

ВИКТОРИЯ РАЙТ

Дороги судьбы

Первая книга
— дилогии —

Ладомир

Ладомир

Виктория Райт

Ладомир. Дороги Судьбы. Книга 1

«Автор»

2024

Райт В.

Ладомир. Дороги Судьбы. Книга 1 / В. Райт — «Автор»,
2024 — (Ладомир)

Любит Судьба дороги выплетать, что для людей, что для богов, а потом прятать их между развилками, другими путями-дорогами. Ищет Словен, младший сын Кощея, свой путь, хочется уж стать ему богом и получить вотчину. Может тогда у него выйдет сестрице любимой помочь, которой сам же жизнь и разрушил. Теперь вот не знает, что и делать – все дальше уходит сестрица в безумие. Меж тем сын ее – Ладомир живет жизнью чужой. Люди на него косятся из-за внешности, да удачливости, колдуном кличут, а он колдунов терпеть не может. Хочет Лад стать воином, найти родичей, доказать, что колдовское семя поганое никак с ним не связано. Только вот Судьба иначе думает, в ученики Бабы Яги заманивает против воли, против желания. Мечутся оба. Встретятся ли они? Найдет ли Лад родичей? Поможет ли Словен сестре? Или возьмут верх противники?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

56

Виктория Райт Ладомир. Дороги Судьбы. Книга 1

Пролог. Грамотка

Солнце Темного полудня ползло за горизонт. Алые лучи его языками костра лизали высокие каменные стены замка, отражались в слюде арочных окон, а двор, вымощенный булыжником, превращали в ковер, рисунком похожий на тот, что лежал у трона батюшки.

Словён тяжело вздохнул, разглядывая, как молочно-белая кожа крепких рук в свете Черного солнца окрашивается в розовый. Он терпеть не мог этот час. Куда приятней Середина ночи с россыпями звезд на фиолетово-синем небе или восход Желтого лика, когда все вокруг обретало смутные облики Яви.

Это у тетушки в ее царстве, тридевятиом государстве, лес походил на обычные хвойные пущи, здесь же – во втором царстве Нави – он напоминал сборище костлявых чудовищ. Они

тянули вверх обломки ветвей и держали в вечной осаде подножье скал, на которых угнездился замок Кощея. Все вокруг говорило: пара шагов, и начнется Пёкельное царство с курганами из черепов, кривыми низкорослыми зарослями скелетника и вечными туманами.

Словен смахнул с лица угольно-черные пряди и заново стянул их бечевкой в низкий хвост, снова вздохнул и вернулся к прерванному занятию. Острым ножиком он слой за слоем снимал тонкую стружку с колышка – так ему лучше думалось, – и, не боясь пораниться, наблюдал за разговором родичей: наливное яблочко кружилось по блюдечку с голубой каемочкой, со всех сторон показывая парадный зал замка и родителей со старшим братом в придачу. И слышал их Словен, словно рядом стоял, а не сидел на каменной перемышке, что соединяла две башни, между которыми зияла пропасть. Подвесил блюдечко Словен в воздухе так, чтоб и смотреть можно было, и колышек обтесывать.

Эх! Знала бы тетка, кто стащил у нее любимую безделицу, полетели бы темно-синие перышки во все стороны: не ощипала бы, чай, не петух, но трепку задала бы знатную, куда серьезнее той, что сейчас старший брат требовал для Словена у родителей.

– Я вас совсем не понимаю. Он не ребенок!

Брат сжимал в руке золотой кубок, разглядывая игру света в гранях камней, что диковинными цветами его украшали. Встретаться взглядом с матушкой он явно не хотел. Еще бы! От взгляда полного укора давно бы скисло молоко. Обычно Мстислав сдавался сразу, но сейчас, как видно, решил, что ему терять нечего. И куда только подевалось почтение, о котором он уже все уши прожужжал Словену? Оно точно кануло в колодезь, что батюшка стережет пуще зеницы ока.

– Покрываете его во всем. А вы, матушка, все не налюбуетесь. Он парень, а не девица!

Ой, завидует братец. Ну смазливей Словен, и что?! Волосы лаковые, блестящие, как шкатулки восточных соседей. Это брат в отца пошел: кудри крупными кольцами выются, не собрать, торчат во все стороны. И в глазах Словена колдовская зелень горит – чистый смарагд, а у старшего Мстислава очи в мать – бесцветные, почти прозрачные. Так ей положено! Мара как-никак! Богиня смерти. Пусть брат радуется, что хоть глазами похож на одну из самых сильных Дасуней. Ему-то такая сила и не снилась!

И сложением Словен куда лучше брата вышел, недаром же матушка вдрызг переругалась с батюшкой. Под угрозой смерти многократной и жуткой она затолкала его в молочные воды Ирия, чтоб сыночка зачать «младшенького ненаглядненького». Зависть – это плохо, братец!

Словен знал, где злость брата истоки берет. Это все оттого, что никак у Мстислава не выходило обойти Словена в силе магической и удали молодецкой. Да во всем! Задумал брат первым получить вотчину в свое владение, и тут ему от ворот поворот: не давали ему Старшие Боги положение. Глядишь, Словен его и на этом поприще обыграет, давно уже цель такую определил: богом стать, а то «младшенький, да младшенький». То-то крику будет.

Словен усмехнулся своим мыслям и порадовался: Мстислав их не слышит и знать не знает, что младший брат рядом, только в окно выгляни. И слава Темному небу: узнал бы, и к его воплям еще бы и родительские добавились. На что уж батюшка к высоте привычный, и тот глаза закатывает, когда за младшим сыном наблюдает. Ну нравилось Словену над пропастью по каменным перемышкам гулять. Зачем же сразу матушку звать-то?!

Он же не зовет ее, когда батюшка перед девками красуется, а мог бы, потому что матушку – Мару, или Морену, как ее в Яви кличут, – Словен любил и почитал. Но и отца жалко, ему ж тоже отдохнуть надобно, пашет, как проклятый, и мужик он видный – косая сажень в плечах – это люди его задохликом жутким представляют, так это ж все из-за второго облика. Радует, что Словен во всех обликах хорош, и давно уж и брата, и отца обошел на поприще «кто сердца девичьи завоеует-разобьет».

Раздражение брата змеиным шипением прошло по ушам, и Словен поморщился.

– Ему бы только развлекаться! У каждого есть обязанности. Посмотрите на девочек: днем и ночью трудятся не покладая рук. А он словно кот в сметане!

Огромный черный кот-Баюн, любимец матери, недовольно прошипел:

– Позвольте, хозяин, когда это я в сметане катался?! Я от трудов праведных похудел уже. Он с обиженным видом погладил круглое пузо мохнатой лапой.

Мстислав сразу же осек:

– Помалкивай! Не о тебе речь.

Матушка виновато покосилась на кота, погладила между ушей, ободряя сникшего помощника, а потом принялась уговаривать Мстислава:

– Сынок, пошто кричишь? Если твоему брату еще вотчина не дадена, как и те...

Батюшка громко кашлянул, брат глянул на нее оскорбленно: еще бы, по больному прошла. Ай да маменька! Всегда поддержит.

А она быстро исправилась:

– Но это ж не значит, что он ничего не делает. Словен столько поручений выполняет, бедненький, – и попеняла, укоризненно покачав головой: – и твоих тоже, между прочим.

Мстислав коротко рассмеялся, поставил с глухим стуком на стол кубок, и с горькой иронией уточнил:

– Выполняет? – он водрузил локти на стол, сжал пальцы в замок и устроил на них подбородок, с полуулыбкой глядя на матушку. – С чего вы так решили, мама? Когда ваш младший сын хоть что-то сделал так, как ему велели, вы помните? Я нет. Он все и всегда по-своему переиначит.

В разговор вступил отец, как всегда взяв на себя роль примирителя:

– Сын! Ну да, у Словена свой подход, – он споткнулся, подбирая слово. – Своеобразный. Но ведь выходит все, как надобно. И результат хорош, и довольны все. Чего ж ты сердишься?

Смотреть на то, как сам царь-Кощей оправдывается, было забавно, но братец порыв отца не оценил.

– А вы бы не сердились, батюшка, если б от этого зависел результат, который вы продумывали несколько весен? Я столько времени убил, столько сил, мне приходилось улыбаться тем, с кем разговаривать не хотелось, а мой брат взял и все переиначил. Видите ли он решил, что так будет лучше!

Терпение брата истончилось и лопнуло, как струна на гусях. Кудри Мстислава взвились вокруг головы, напоминая корону Черного солнца, глаза вспыхнули алым – видать, знатно братца-то допекло. Посуда на столе зазвенела, кубки попадали, выплеснулся вишняк, пряме-хонько прилетев в миску Баюна. Кот поморщился, макнул лапу в молоко, приправленное вишняком, брезгливо облизнул и подвинул миску к себе поближе, косясь на хозяйку, но ей было не до него.

Родители беспомощно переглянулись, и матушка расстроено спросила:

– А что сделать ему-то было надобно, сынок?

Словен замер, внимательно наблюдая за братом. Скажет или нет?

Мстислав мгновенно успокоился, откинулся на резную спинку стула и недовольно посмотрел на мать.

– Мама! Соль не в том, что ему сказали, а в том, что он снова проигнорировал меня. Я больше с этим мириться не намерен. Я – старший брат, а мои слова Словену не указ. Это где ж такое видано, чтобы младшие старших не уважали?!

Началось! Словен возвел глаза, разглядывая пламенеющее небо. Наша песня хороша, начинай сначала. Братец, как от Ясуней воротится, так и твердит о традициях и почитании, хоть вовсе домой не приходи. Натура батюшки и так не мед, а после разговоров брата он полностью подтверждает одну из своих личин – бога лютых морозов Карачуна, и тогда лишь тетка его усмиряет, даже матушке он не по зубам, а прятаться от разозленного Кощей – задача не из

легких. Ну братец, погоди. Поквитаемся еще. Посмотрим, как ты будешь изворачиваться, когда отцу известно станет, что за письмо ты в Велер передал.

Батюшка поднялся, провел рукой над столом и красные пятна вишняка собрались в капли, кубки выстроились в ряд, и вишняк заполнил их наполовину. На грозный взгляд Кощея кот Баюн лишь виновато отвел желтые глаза и вздохнул, понурившись. Отец недовольно покачал головой, но укорять кота не стал, а обратился к старшему сыну:

– Тогда поступим вот как. Ты безусловно прав, и младшие должны почитать и слушать старших.

Словен нахмурился, решая, как же дальше быть: рука у бабушки тяжеловата. Но тут Кощей продолжил:

– Но не забывай, Мстислав, что у Словена отличное чутье, о чем тебе известно. Поэтому сейчас мы у него самого спросим. Если виноват – накажем, а если так, как он сделал, лучше вышло, то ты сердиться перестанешь.

Ой-ой-ой! Пора ноги делать, пока не заметили! А с другой стороны, очень уж хотелось дослушать, чем дело закончится. Потому что Мстислав на предложение отца хмыкнул и ядовито уточнил:

– Его спросим? А где он сам? Я ему третьего Вестника отправляю, ни один с ответом не вернулся.

Словен усмехнулся, смел рукой черные перышки, и в пропасть полетели маленькие черепа: он терпеть не мог вестников Мстислава. Нет чтобы живую птичку прислать, так брат все мертвых поднимал – пакость еще та. Словен ему уже не первый раз высказывал, но кто б его слушал! А раз так, то пусть не обижается – прилетит еще одного, он и его развоплотит и в птичий Ирий отправит.

Бабушка решительно развернулся к окну и отрезал:

– Придет! – и обронил, виновато косясь на сына: – Мало ли. Вдруг чем занят.

На скептический взгляд Мстислава кашлянул в кулак и воодушевленно продолжил:

– Придет! И всю правду нам расскажет.

Словен поморщился. Удружил его теткин муж – Велес, чтоб ему трижды икнулось. Нормальные боги на рождение ребенка дарят камень или драгоценности, но кто б мог подумать, что бог богатства и колдовства скупцом окажется. Подарил он Словену чудесное свойство – отличать правду от лжи. Никто при нем соврать не сможет, он сразу узнает. Шикарная вещь! Живи и радуйся! Ага. Мечтать, как говорится, не вредно. Довеском к этому шло то, что Словен сам врать не мог. Хоть удавись! Временами от этого подарочка ему волком быть хотелось, выкручиваться и выворачиваться приходилось, как шкваркам на сковородке.

Словен выбросил колышек в пропасть, спрятал сокровище тетушки, быстренько набросил на себя Покрывало Невидимости и только поднялся, как услышал:

– Словен, вот ты где!

И как он только запомнил, что бабушка через любое заклинание насквозь видит? Пришлось его срочно сбрасывать. Словен повернулся к окнам зала, увидел отца и помахал ему рукой.

– И что вы так кричите, бабушка? Я и так все прекрасно слышу.

Мстислав высунулся из окна рядом с отцом, потрясая кулаком.

– Ах ты ж мер... – он проглотил слово от прилетевшего тумака от матушки и быстро исправился: – Бессовестный! Я ему Вестников шлю, а он здесь сидит, да еще и подслушивает!

Словен с размахом приложил руку к сердцу, балансируя на каменной перемычке, собиравшись поклониться, но окрик отца его остановил:

– Эй! Ты там поосторожней!

И тотчас, расталкивая мужа и сына локтями, в окне появилась матушка, а с ней и кот-Баюн, который завопил на весь двор:

– Убьется! Как пить дать! Убьется!

Матушка заголосила, заламывая руки:

– Сынок! Ты с ума сошел! Так и упасть недолго! Сладкий мой! Дай я тебя перенесу!

Возмущенный возглас прозвучал сразу с двух сторон:

– Мама!

– Матушка!

Мстислав оттащил мать от окна.

– Как залез, так и слезет. Что с ним делается?!

Хоть в чем-то Словен был согласен с братом. Что с ним могло б сделаться, если он птицей под самые небеса забирается?! Нет же! Они с ним, как с ребенком малым обращаются. Это понятно, что среди богов и полубогов Словен самый младший, можно сказать, пацан-пацаном, но ему же даже не двадцать!

Пробежал Словен по тонкой перемышке, оттолкнулся и на окно прыгнул. Едва успел за каменный уступ ухватиться, чуть вниз не загремел, а то пришлось бы перекидываться. Тут же заработал он от батюшки подзатыльник и поспешил отойти подальше от возмущенного родителя.

Словен буркнул, потирая ушибленное место:

– Да за что?! Батюшка! Прислушайся к мудрым словам моего брата, – он отвесил Мстиславу поясной поклон. – Спасибо тебе, братец! Один ты отстаиваешь мою независимость от чрезмерной родительской опеки. И чтоб я без тебя делал?

Мстислав процедил раздраженно:

– Зубы скалишь?! Поговори мне еще.

Словен вложил в ответ всю искренность, на которую был способен.

– Я?! Да ни в жизнь! Я к тебе со всем почтением, а ты?! – он бросил на брата оскорбленный взгляд, подскочил к матери, обнял, мимоходом целуя ее в щеку. – Матушка, я давно уже оперился и летать обученный. Ты же знаешь.

Мать легонько стукнула его по макушке, тут же пригладила ему волосы и поцеловала в лоб, проворчав по-доброму:

– Ишь ты! Оперился он.

– Значит, от чрезмерной родительской опеки? – от батюшки прилетел еще один подзатыльник.

Словен рванул за спину брата и схватил его за плечи, разворачивая так, чтобы не дать отцу подойти.

– Брат! Спасай! Они меня затиранят, и как я буду выполнять тобой задуманное? – Словен выглянул из-за плеча ошарашенного его напором брата и заглянул ему в лицо. – А ты, кстати, еще ни разу мне до конца так и не рассказал, что задумал. Если б я знал, то точно бы выполнил все от и до. А так какие вопросы?

– Ах, ты... – от его нахальства Мстислав потерял на мгновение дар речи. – А ну иди сюда! Я тебе покажу какие вопросы! Скоморох!

Словен увернулся от удара и заскочил за мать. Она же расставила руки в стороны, не подпуская к нему ни брата, ни отца.

– Угомонитесь! Не трогайте ребенка! И дайте ему все объяснить.

Кот-Баюн стал рядом с хозяйкой, исподтишка показывая Словену знаки поддержки: лапу лапой сжимал, тряс.

– Обижают дитячко! – Словен легонько его пнул, и кот моментально завел другую песню: – Не дают нашему доброму молодцу даже слово в свою защиту вставить! Где ж правда-то?!

– Тоже верно! – Словен, с трудом скрывая улыбку, посмотрел на брата. – Какой я тебе скоморох?! Еще раз обидишь, и никакого пророчества никому больше не понесу.

Глаза Мстислава вспыхнули недобрым светом, и он прошипел, запуская в него волну Немо́ты темным облаком:

– Замолчи, дурак.

Но слово вылетело, а оно, знамо, не воробей – не поймашь. Полупрозрачное марево Щита отца смело заклинание брата, а от матушки прилетел грозный взгляд – это она в своем обычном облике добрая и благостная, а как Марой станет, так беги куда глаза глядят.

– А ну успокоились! Оба!

Балаган закончился. Батюшка вспомнил, что он – царь Второго царства Нави, и сейчас черты его лица заострились, залегли под глазами тени, и Словен невольно поежился – не от страха, от холода. Вторая ипостась отца явила себя миру не полностью, но теплей от этого не становилось.

– Что еще за пророчество?

Словен руками развел и как можно невиннее посмотрел на отца.

– А что я?! Я ниче! Он сказал отнеси, я отнес. Смотрю, а там пророчество. Ну, значит, так надобно. Старший братец плохого не попросит выполнить. И я все по совести исполнил. Передал письмецо вещунье. И все!

На лице Мстислава от злости стали проступать звериные черты – бурый медведь рвался наружу. Ну все. Словен его точно допек. А нечего младшего брата любимого в неприятности втягивать!

Кощей развернулся к Мстиславу и сурово потребовал:

– Рассказывай.

Пообещав взглядом Словену знатную трепку, Мстислав отрезал:

– Не о чем рассказывать. То мои дела.

Зря он так с бабушкой! Ой зря! В зале заметно потемнело, черты лица отца заострились сильнее, очерчивая череп, морозец крепчал, и Мстислав отступил.

– Ты опять к Ясуням бегал?!

По стенам пошла изморозь, и Словен невольно обхватил себя руками – мороз он терпеть не мог, не то что теплое солнышко. Голос отца напоминал далекие раскаты грома:

– Я тебе сколько раз говорил. Не якшайся с ними!

Мстислав хмуро посмотрел на бабушку.

– Если б мы одни на свете жили, то вопроса нет. Мне с ними говорить – легче удавиться. Но не от нас только все зависит, так что и ходить, и говорить приходится.

– О чем?!

Волосы отца посеребрила седина. Ой, они же сейчас выпадать начнут: третий облик бабушки – Кощей Бессмертный – благостным видом не отличался.

– Да надоело мне с моря погоды ждать! – брат тряхнул угольными прядями и сжал рукоять меча, что на поясе носил. – Надоело мне за вашими спинами прятаться! Ну я и пошел к Мόкоши. Хотел узнать, сколько мне еще ждать. А она мне: «отдашь грамотку в Велер князю старому, и все у тебя будет». Кто ж после такого откажется?!

Мать зыбкой тенью переместилась к нему и схватила за руку, с надеждой заглядывая в глаза.

– Да неужто ты меня послушался?! Женишься-таки?

Мстислав, на беду, со стола кубок взял, глоток сделал, и после слов матушки подавился, закашлялся. Бабушка оторопело уточнил:

– На ком женится?

Словен от хохота завалился на стол. Кот-Баюн у его ног от еле сдерживаемого смеха пофыркивал. Словен с трудом выдохнул:

– Мама! Там княжичи! Их там четверо. Вряд ли Мстислав на них женится. Ай! – старший брат все-таки сумел его достать, но от этого меньше смеха не стало. – Брат! Я ж за тебя горой стою! А ты сердисься.

Словен спрятался за резную спинку высокого стула, давась от хохота.

– Да не про Велер я! – матушка раздраженно топнула. – Вернее, не про князя и не про княжичей. Сам мозгами раскинь, дорогой. Ясуни за новую вотчину удавятся. Они и так считают нас чересчур сильными. Значит один путь – женитьба! А там глядишь, по-родственному, и вотчину выбьют.

Кошей, недоумевая, пожал плечами.

– И что? Как просьба Мокоши с женитьбой Мстислава связана?

Словен выдохнул, стараясь смех унять, семья у него – никаких скоморохов не надобно, и пояснил:

– А то, батюшка, что мама, кажись, сама к Мокоши вместо тебя наведалься, – и не удержался от колкости: – бедный братик. Неужто ты у нас уже обещанный.

Матушка с умилением посмотрела на Словена и заворковала:

– Ах ты ж моя умница! Сразу видно, кто у нас самый сообразительный.

Мара с насмешкой на старшего сына покосилась, а Мстислав ошеломленно уставился на мать.

– Матушка, это правда?

Она уперла руки в боки.

– Что матушка?! Я уже несколько раз была у Мокоши, просила невесту тебе подыскать – она обещалась. Только разве сестра Сварогова за просто так что сделает?! – мама передразнила Мокошь: – «Все на равновесии держится.» Сказала, что подумает, чего с мальчика моего затребовать. И вот! Пожалуйста! – она радостно указала на потрясенного Мстислава. – А я-то все прикидывала, как тебя к ней направить, а тут ты сам пошел. То-то радость! Когда свадьба?

Мстислав в досаде стукнул по столу:

– Да что ж такое-то?! Никакой свадьбы! И жениться я не хочу, матушка, так что не придумывайте – не заставьте! И разговор у нас не обо мне, а о Словене и его поступках. Но видно мне не добиться правды! – он погрозил пальцем Словену и мрачно посмотрел на родителей. – Ой, смотрите! Вы его балуете – добалуетесь, влипнет в очередные неприятности, не просите меня из них его вытаскивать!

Словен в обнимку с котом сидел на полу, прикрываясь рукой, чтобы лишний раз брата не злить улыбками. Кот-Баюн не то плача, не то хихикая, пушистым хвостом стирал крупные слезы, но, когда Словен захотел его хвостом лицо вытереть, не дал – жмот.

Брат круто развернулся, вышел из зала, громко хлопнув коваными дверьми. Щит, что батюшка от варягов привез, грохнулся на пол, гремя металлическим умбоном.

Матушка всхлипнула, и батюшка бросился ее утешать:

– Не грусти, любая моя, – он обнял ее, тайком указывая Словену на дверь. – Не сейчас, так позже, но все сделаем, как тебе хочется. Женится как миленький.

Словен подпихнул кота в сторону матери: все ж любимец, пусть утешает, а сам быстро отполз на карачках за стол и ушел преломлением: пространство сложилось заморским веером, раскрылось, и Словен оказался в коридорах нижних уровней замка.

Тяжелые капли мертвой воды срывались с сырых стен, падали в желобки и по ним стекали к колодцу батюшки. Там верные отцу карлики собирали воду в бутылки, запечатывали. Часть на нужды богов шла, а другая – к соседям тайными тропами уходила. Тот же Один, старший бог варягов, прикупал, да и цинский бог Тянь не брезговал.

Словен пробежался по гулким переходам и выскочил в зал, главное окно которого высотой доходило до потолка, а подоконником почти вровень с полом шло. На горизонте горело алое солнце и за высокие горы щеку прятало, оживал лес, и шумела река Смородина.

Батюшка этот зал специально для младшего брата, Змея Горыныча, дядьки Словена, обустроивал. Не любил Горыныч в первом облике – человеческом – хаживать, а во втором, когда в змея двенадцатиглавого оборачивался, в парадные двери замка не пролезал.

Мстиславу зал нравился, отсюда братец предпочитал пути-дорожки тайные прокладывать, здесь Словен и решил его подождать. Он сел на каменный подоконник, свесил ногу за окно и помахал рукой Вилам – духам гор, вечно юным девушкам, – что парили над пропастью, разминая крылья перед ночными плясками. Они, его заметив, завизжали от радости, но Словен приложил палец к губам, покачал головой, давая понять, что не время сейчас в игры играть, и едва их угомонил, как услышал шаги Мстислава.

Братец грозной тучей появился в зале, замер на пороге и рыкнул:

– Чего надобно?! За трепкой пришел? Так я всегда пожалуйста, тем более вполне заслужено.

Словен улыбнулся и достал из-за пазухи тростниковую дудочку-жалейку – его грозное оружие. Он в нее крупницу своего дара вложил. Поет дудочка, а слушатели правду рассказывают. Только сил она сжирала, как дядька Змей Горыныч еды после очередного приступа борьбы с лишним жирком, который отчего-то только ему и виделся.

Мстислав замер, глядя на жалейку, и погрозил:

– Только попробуй заиграть! Ты силен стал, но я-то старше и сильнее буду. Накручу уши, не жалуйся потом матушке.

Словен фыркнул, склонил голову на бок по-птичьему:

– А тебе есть что скрывать, братец? Есть, конечно же, иначе бы ты до конца с родителями бился, выторговывая мне наказание, а не сбежал.

Словен подскочил на ноги и спросил уже серьезно, отменяя из речи дурашливость:

– Я хочу знать то, что ты родителям говорить не захотел.

Мстислав глянул на него так, как обычно отец в минуты гнева смотрел – исподлобья, тяжело, опасно. Но Словен хорошо брата знал и видел, что тот на части разрывается: одна хотела гнать его взашей, вторая понимала – просто так он не спрашивает. Только выиграла гордость.

– Опять лезешь куда не надобно?

Словен покрутил жалейку, примерился, краем глаза наблюдая за Мстиславом. Ой нечисто дело! Побледнел братец, взволновался. И Словен еще надавил:

– Отчего ж куда не надобно? Не чужой чай. И представь на мгновение, что тебе родители скажут, когда узнают, что в той грамотке нацарапано.

Тут Мстислав побледнел так, что Словен оторопел. Испугался, что ль? Но ошибся, брат подскочил к нему, схватил за полы кафтана и встряхнул:

– Я ж тебе запрещал читать. Сквернодей ты эдакий! Я ж приказывал!

Словен отодрал его руки от себя и отступил, холодно обронив:

– Я тебе не ленник, брат! Ты попросил отнести, я отнес. Но отдавать неизвестно что вещунье, которая кланяется на все стороны – и Ясуням, и Дасуням улыбается, – я не соглашался. Не смей использовать меня втемную!

Язык ледяного пламени обвил запястье Словена, дернул его к брату, но он вырвался и выставил Заграждение, что игольчатым забором разделило их.

Мстислав замер, оглядел заклятье, кивнул и с горечью вымолвил:

– Вот, значит, как! Маленьким был, к брату бежал, помощи просил, а решил, что вырос, и старшие тебе не указ. На почтение и уважение глаза закрыл. Хорошо. Но тогда и ты не обессудь, когда батюшка узнает, с кем ты шашни водишь. Вряд ли ему понравится, что ты у берегинь частый гость.

Палка о двух концах – туда и сюда бьет. Словен знал, что шантаж чреват последствиями, но не для взаимных упреков и угроз он разговор затевал. Словен обменялся с братом тяжелым

взглядом, а потом решительно спрятал жалейку. Не хочет говорить – и не надобно! И заставлять он его не будет. Его жизнь, пусть что желает, то и делает. Но все равно не удержался, вымолвил:

– Думай, что хочешь. Трепку от отца я, так и быть, вытерплю, не велика цена за живого брата, только вряд ли тебе, Мстислав, от этого польза будет: ума точно не прибавится.

Он развернулся решительно, шагнул к пропасти, но тут Мстислав поймал его за плечи и повернул к себе уже бережно.

– А ну стой! Ишь, горячий какой выискался. – Он встряхнул Словена легонько, с тревогой в его лицо вглядываясь. – Так что ты там про живого брата обмолвился? В грамотке про смерть мою было сказано?

Словен на этот раз вырваться не стал. Хоть и цапались они с Мстиславом частенько, и дрались, бывало, и в детстве он ремня от него отхватывал, но все ж Мстислав его брат. Вредный до жути, но другого нет. Вздохнув, Словен принялся объяснять:

– Про смерть не было, там куда хуже участь тебе уготовили.

Руки брата соскользнули с его плеч, посмурнел Мстислав, и Словену не по себе от его вида стало. Он отвел взгляд и продолжил:

– Говорилось там, что окажешь ты услугу старому князю Велера и превратишься в чудовище. Но едва я прочел, как потекли строчки, размыслись и сложились в другое послание, и тебя оно не касалось. Там о Велере, о престолонаследии и чаровнице какой-то было. Дочитать не успел – налетели утки, вырвали грамотку и вещунье Чаре отдали. Сам видел. Так что не злись.

Мстислав шумно выдохнул и вытер рукой вспотевший лоб.

– А почему ко мне не прилетел? Почему тебя с Прией видели? Появился бы сразу и вопросов не было.

Словен отступил в сторону и улыбнулся, склонив голову на бок.

– Так вышло. Я просьбу твою выполнил, так чего ж обратно спешить? Тем паче ты сначала ругаешься, а только потом слушаешь. Вот я и променял твои громы и молнии на приятную ночку.

– И денек заодно, – ворчливо добавил брат, а потом взлохматил с досадой волосы на затылке. – Вот знал же, что доверять ей не стоит! Знал и все равно опростоволосился. Да еще ты своим молчанием да отсутствием, подбросил в огонь дров. Пакостник.

Неожиданно Мстислав поймал его за рукав, притянул к себе, крепко обнял и отпустил сразу же. Брат к нежностям склонен не был. Расчувствовался, вот и расщедрился, а значит, можно осторожно расспрашивать.

– Что хоть обещали-то?

Брат, раздумывая о чем-то, нехотя ответил:

– Вотчину дать. Мокошь клялась, что все исполнится. Но не видать мне, кажись, вотчины как своих ушей.

– А взамен что?

– Да Велеса с... – Мстислав запнулся, исподлобья глянул на него и погрозил пальцем. – Не суй любопытный нос, прищемят. За грамотку, конечно, спасибо, если не врешь.

Словен недовольно поморщился – уязвил-таки напоследок, а брат мягко рассмеялся:

– Не злись. Шучу. Но ежели снова решишь кровь попить, не вини меня в том, что отцу все известно станет.

Словен усмехнулся.

– Так и я в долгу, братик, не останусь. И на свадьбе погуляем.

– Брысь отсюда! Еще накаркаешь! – Мстислав шутя замахнулся на него.

– Это не ко мне, братец! – Словен улыбнулся, уклоняясь, – я каркать не умею, я песни пою, заслушаешься. А с карканьем – это к отцу! Только учти, долг платежом красен, и у нас с тобой все на взаимности.

Он шагнул в пропасть, обернулся малой пташкой-соловушкой и увидел, как брат вслед за ним сорокой перекинулся, крылья расправил и путь-окно в Правь раскрыл. Чего это Мстислав к Ясуням отправился? И гнева отца даже не побоялся. Неужто Мокошь к ответу призвать решил? Это богиню-то Судьбы?! Да вряд ли. Мстислав дураком не был. Так зачем? Жуть как интересно было. Да и что он там про Велеса, мужа теткиного, сказывал? Мстислав его терпеть не мог и никаких дел не имел, что он пообещать-то мог?

Но тут на Словена налетели Вилы, закружили в колдовском хороводе, и вскоре забыл он о происшествии, развлекаясь с воздушными красавицами. А зря.

Время пролетело стрелой каленой, пронеслось, ударило в сердце, пробило насквозь. В суете дней Словен и думать забыл о грамотке, о предсказании, пока не обернулось оно горькой реальностью. Сестрица любимая, дочка тетушки, замуж вышла, да не за суженного, а за ряженого: обманом ее под венец вовлекли. Остановить-то не получилось. Не сложился брак сестрички с ее женихом Финистом. Брак с Всеславом горьким вышел, безрадостным. Лишь сыночек, ясно солнышко, стал для Даны отрадою.

Словен делал все, что мог, чтобы загладить вину перед сестрой. Даже в Велер, в княжеские палаты отправился. Только не смог уберечь Дану от судьбы худой. Что поделать, если он и сейчас юнцом выглядит, да и считают его таковым. А тогда, да со стороны людей, он вообще мальчишкой казался. Только если его возраст и был для всех оправданием, для Словена он таковым не являлся.

Вот и топтался он сейчас на пороге избы тетки, собираясь духом, чтобы распахнуть дверь и войти с улыбкою, словно не ела его совесть огромными зубищами, не терзала душу вина. В своих метаниях Словен запросто обойти сестриц плакальщиц мог. Только вот они по другим плакали, а он по себе, и от этого еще тошнее становилось. И исправить он ничего не мог. Ладно б отец с матушкой запрещали, мол, мал еще, так против его участия вся родня плечом к плечу стала. Сначала и вовсе заклятья навешали, потом, когда Словен их снял, надавили своей волею – не рыпнешься.

– Ну и чего ты топчешься? – Дверь избы распахнулась, и на пороге появилась тетушка – старушка, с виду милая, румяная, в цветном платке, расшитом обережными знаками платье. Кто не знает, сказал бы «добрая бабушка». А кто знает Бабу Ягу, поостережется вообще рот раскрывать.

Из глубины избы послышался женский голос, что выводил тихую колыбельную и звучал так уж душевно ласково. Лишь в глубине его печаль звенела горькою нотой.

Тут из Словена словно спицу внутреннюю выдернули. Плечи поникли, сползла с лица улыбка, стекла снегом, потаявшим под весенним солнышком. Посмотрел он на тетку взглядом кутенка побитого, Яга только головой покачала.

– Я тя стукну сейчас. Клянусь Родом батюшкой. Ты когда дурь из головы выкинешь? Говорили тебе уже не раз. Не твоя то вина. Не уж-то ты думаешь, знай я, что это ты натворил, так пускала бы тебя сюда безнаказанно?

Словен хмыкнул, вздохнул.

– Знаю я, что вы на меня зла не держите. Только сам я себе катом¹ стал.

Не успел речь завершить, как получил со всего размаха рушником да по физиономии.

– Я те сейчас дурь-то из головы повыбью, малец! Катом он себе стал!

Словен взвыл, назад отскакивая.

– Тетушка! Зачем вы так?! Я же искренне!

– Вот и я искренне! – Баба Яга на крыльцо вышла, метлу подхватила, что на пороге стояла. – Ты когда старших слушать научишься!? Говорят тебе, не твоя вина! Так нет же! А ну, давай побегаем! Мож тогда у тебя в голове-то проветрится?

¹ кат – палач (устар).

Словен увернулся от взбесившейся метлы, перекатом ушел, пальцами щелкнул, Щит сплел. Но куда уж ему против Ягинишны?

– Ай! Да, тетушка! Да прекратите вы!

Словен за колодец спрятался, водяным Щитом прикрылся, получил в лицо водой колодезной. Хорошо, что хоть от метлы увернуться получилось.

Тут на крыльце сестрица появилась.

– Вы чего тут буяните?

Словен к ней рванул, за ее спину спрятался.

– Дана, спаси! Меня тетушка прибить решила.

– Ты что несешь, оглашенный?! Я те...

– Матушка, – Дана укоризненно на мать посмотрела. Да как посмотрела-то... Глаза ее не видели. Затянула их пелена Пустоши да туманов Междумирья, отобрала радость, что в них сияла ранее, теплоту унесла. Потухли очи васильковые, стали стальными бельмами, горела в них колдовская сила, а жизни не было.

Словен обнял сестру, прошептал:

– Сестричка моя.

По волосам его прошли ласковые руки, по спине похлопали утешающе. Не стыдно ему было сейчас чувствовать себя маленьким. Рядом с Даной душе было благостно.

Сестра обняла его бережно, и матери попеняла:

– Ну зачем вы так, матушка? Словен, хоть и шепотной, но добрый и разумный. Зря вы его все попрекаете. Зря в него не верите. Он еще суть свою не раскрыл, а как раскроет, так ахнете.

В глазах зашипало, дыхание на миг перехватило, но Словен с собой справился, и ехидно посмотрел в сторону тетушки.

– Вот так вот! А вы с метлой на меня.

Тетка только головой покачала, вздохнула тяжело и кивнула.

– В избу пошли.

Солнечные лучи привычно заливали стол с лавками, что у стен примостились. Только в дальнем углу у печи тьма притаилась. Сложно, небось, форпосту между миром живых и мертвых домашней избой прикидываться. Словен, когда со стороны речки Смородины к Калинову мосту подходил да с него Избушку на курьих ножках разглядывал, так его самого дрожь пробирала. Так уж не по себе становилось от острых пик забора с черепами на каждой из них, от огромных лапищ, на которых избушка переминалась, да и от нее самой жутью веяло так, что горло перехватывало. Это с людской стороны она обычным домишком прикидывалась. И сейчас уютно в ней было. Кошак на полу растянулся, мурчал. Как же Словену тут нравилось. Даже больше, чем дома.

Сестра на лавку его усадила, к печи подошла, сняла с него сверток, прижала к себе, ласково заворковала:

– Ты смотри, маленький, кто к нам в гости пришел. Дядька твой младшенький. Вот подрастешь, и будет он с тобой тетешкаться, в игры играть. Покажет, как из лука стрелять. Знатный он у нас охотничек.

Словен с трудом сглотнул, на тетушку посмотрел испуганно. Это что делается-то?! Что происходит? Вслух хотел спросить, только голос пропал, слабым возгласом вырвался.

Тетушка хмуро на него глянула, головой покачала, мол, помалкивай. А сестра меж тем к нему подошла, протянула сверток, улыбнулась светло так, ласково.

– Подержи его, Словен. Наш Оладушек так уж тебе радуется. Смотри, как улыбается.

Она вложила в его руки сверток, который ему тяжким грузом показался, откинула уголок одеяла, из-за которого выглянуло лицо потешки² соломенной. Сестра Словена снова по голове погладила, спросила мягко:

– Ну и как тебе племянничек, Словенушка?

Только вместо ответа из него первым всхлип вырвался, да на кончике носа слеза повисла. Тут Дана воскликнула:

– Матушка, по что вы с ним так?! Где это видано, чтоб мой братик, веселый да смелый, плакал?! Ты, дядька с теткой, да дед с дядькой старшим! Что вы все взъелись на него-то?!

Словен выдохнул, в руки себя взял, улыбнулся с трудом, правда, но постарался, чтобы голос звучал как обычно.

– Сестричка! Одна ты у меня заступница. Только не кричи на тетушку, пожалуйста. Не их это вина, это мои неприятности. Как тебя увидел, так и размяк. Уж прости.

Он передал осторожно сестре сверток на руки, цапнул тетку за руку, из избы потащил. Полог тишины выставил туманной стеной и заорал:

– Да вы издеваетесь?! Двенадцать весен из меня жилы тянете! Ей же хуже становится! Чем дальше, тем все больше разум застится! Вы по что ничего не делаете и меня не пускаете? Вы чего ждете все? Я и к деду подходил, и к отцу, к тебе тоже. И что?! – Он изменил голос, отца повторяя: – Не твоего ума дело. Не лезь. Не лезть, говорите?!

– Угомонись! – Тетка ногой топнула. Гром грянул, сверкнула молния.

Только Словен и не думал успокаиваться. Он распахнул крылья Тьмы за спиной, вошел в облик истинный. Потемнела кожа, из второго облика, птички-соловухи, перья появились, стальными стали, жидким металлом по телу растеклись, укрывая лучше всякой брони. В руки меч привычно лег.

Тетушка зашипела змеей:

– Ты кому, мелочь такая, зубы показываешь?!

Меч тетушки превышал клинок Словена раза в полтора. Только Яга не стала облик изменять, и смотрелся кладенец в руках старушки так, что Словен едва всю злость свою не растерял. Но тут Яга погрузилась, меч с хлопком исчез, лавка из земли выросла, и опустилась на нее тяжело тетушка, голову понурила.

Слетели сразу со Словена и облик, и злость. Кинулся он к тетке, обнял ее, прошептал виновато:

– Прости. Сорвался я.

Тетка по голове его погладила, тихо ответила:

– Да не сержусь я на тебя. Только не лезь в это дело, Словен. Не твоя то беда.

Словен снова разозлился, но уже не взяли над них верх чувства. Голова холодной осталась.

– Тетушка, со всей любовью, и со всем уважением, но не буду вас слушать. Ой!

В ухо вцепились стальные пальцы, скрутили так, что еще чуть-чуть повернут, и придется приживлять.

– Я те что, паршивец, сказала? Не лезь в это дело! Опасное оно для тебя! Когда ж ты, охламон такой, старших начнешь слушаться?

– Ой, отпустите, тетушка! Больно же! Ухо оторвете!

– Обещай, что не сунешься!

Словен скрестил знаком обманым пальцы руки, что за спиной тетушки была, выдохнул, зная, что сейчас ему мало не покажется.

– Ой, обещаю, тетушка!

² потешка – игрушка (др.слав)

Яга тотчас его выпустила, а Словен путь-окно распахнул и удрал с ее двора, пока у него еще сила была. Упал на пол в своей комнате, и скрутило его так, что он застонал. От боли голова разрывалась, сила колдовская вытекала, словно кровь из жил, отчего хотелось волком выть.

Словен с трудом до камня волшебного дотянулся, что под лавкой прятал, сжал его, ставя вокруг комнаты Полог. Пусть родня думает, что он на всех обиделся. Пусть считает, что он с ними говорить не желает. Пусть делают, что хотят, лишь бы верили, что Словен правду тетке сказал и пообещал не вмешиваться. Три дня ему без сил валяться, чтоб этому Велесу пусто стало за его подарочек.

Как первый раз скрутило Словена за ложь с умыслом, так ихватило ему этого, да заодно и родне всей с лихвою. Словен врать зарекся осознанно, а родня принимала его слова без сомнений, зная за ним такую особенность. Еще бы! Кто ж в своем уме на такую муку пойдет? Но сейчас, чтоб ему не пеняли, чтоб не требовали, как бы не злились, как не крутило бы его все без толку.

Хватит! Не хотят говорить родичи причины, отчего нельзя ему сестрице помочь, и не надобно! Не хотят открывать секреты, Словен и без них проживет. Принимают его за мальчишку неопытного. Да и пожалуйста.

Только вот прожить без совести у него не получится. Не выйдет смотреть спокойно на то, как сестра любимая угасает, как уходит разум ее, как очи в ледяные бельма обращаются. Больше не будет он ни слушать, ни слушаться, какими бы ни были последствия. Все равно никто говорить о них не желает. Только пугают да волей своей сковывают.

Главное, как выйдет он из добровольного заточения, сделать вид, что смирился он. Пусть считают потом, на него со стороны глядя, что перебесился, успокоился. Привык Словен личины носить, от еще одной не убудет от него. Только теперь он сам начнет действовать, и никто ему не укаж.

Глава 1. Переполох в Ирие

Мстислав поправил наголовень и откинул черные пряди за спину. Он сидел за широким дубовым столом в кресле и наблюдал, как по клеткам доски двигаются фигуры. Четыре стороны света, четыре игрока, но трое из них свято уверены, что играют втроем. Партия складывалась непростая. Мстислав двинул ладью и замер, ожидая что предпримут его соперники. Хотя какие они ему соперники? Тягались они между собой, даже не подозревая, что Мстислав участвует: бесплотным духом путает ходы, подталкивает к неверным решениям.

– Хозяин-я-ин! А Хозяин! Чего вы к ним прикипели? Что там деется-то? – детский голос раздался из-под стола, поехала скатерка, а вместе с ней и доска с фигурами.

– Ах ты ж! Ты куда лезешь?!

Мстислав едва успел подхватить скатерку с чатурангой, как из-за края стола показалась лохматая голова, пухлая ручка вцепилась в столешницу, а потом появился и сам негодник: малыш трех годков белкой забрался на стол и тотчас отхватил по лбу ложкой.

– Сколько раз говорил! Не смей лезть на стол!

Мстислав за шкирку спустил его на пол, и карапуз надулся, как мышь на крупу. Мстислав покачал головой и кивнул на лавку.

– Чем она тебе не угодила?

Малыш радостно взвизгнул, из-за чего Мстислав поморщился.

– От тож! Чегой-то я?! – карапуз двинул ручкой, лавка подъехала к столу, и мальчишка ловко залез на нее, встал, с интересом глядя на доску.

– И кто меня надоумил тебя в дом взять? – Мстислав тяжело вздохнул. – Жил спокойно, и на тебе! Поглупел, наверное.

Малыш задумчиво протянул, разглядывая расположение фигур на доске:

– Вы, Хозяин, на себя это... того, не наговаривайте! Вы – хороший, умный, – он закатил глаза, размахивая руками. – Кошмар какой умный! Вас все боги почитают, здоровкаются, кланяются... в пояс.

Малыш с хитрым прищуром покосился на него, и Мстислав фыркнул.

– Ты ври, да не завирайся! – Он разгладил кафтан, одернул полы и буркнул: – Кланяются, но не в пояс.

– Как не в пояс-то?! Сам бог Морок! Хранитель Правды, – он споткнулся, заметив, что Мстислав нахмурился, и тут же исправился: – Ну, мож, не Хранитель, но точно Страж.

Малыш облокотился о стол, подпер ладошками пухлые щеки и уставился на доску, пробормотав:

– Токмо благодаря вам ни один прохиндей к ней даже не притронется, а другим ее узнать – еще заслужить надобно.

Мстислав усмехнулся. Лстить Игоша умел. Подобрал Мстислав проклятое дитя на зимнем тракте, так уж малыш горько сетовал, что дрогнуло сердце, пожалело, да и в доме-то все развлечение. Вроде и знаешь, что преувеличивает, а душу-то греет.

Да лишний раз послушать про свое предназначение, пускай и из уст Игоши, тоже приятно. Пятнадцать весен по человеческому летоисчислению прошло с момента, как озвучили пророчество, что Словен в Велер отнес, как Мстислав стал богом Мороком. Не соврала Мокошь, исполнила обещание-то, только горьким оно оказалось, отравленным.

Морок вздохнул, потер лоб, и тут Игоша завопил:

– Ты гляди! Гляди, че деется! Решились-таки супротив вас выступить!

По доске заскользила красная пешка. О! Ясуни очухались, пошли в наступление, только кто б им дал: пешку охватило пламя, и сгорела она, словно сухое полено. Мстислав усмехнулся. Так им и надобно. Вотчину-то они ему выделили, только ценой запредельной, поэтому отношений добрососедских не сложилось.

Морок прикрыл чатурангу вышитым рушником и спрятал в деревянный шкаф. Все шаги на сегодня сделаны, все отразились в волшебных фигурах. Ни одна живая и неживая душа не знала, что все ее игры, все желания, все планы коварные отражались на волшебных досках в узоре игры, и хранились доски в пещере под замком Морока. За большинством смотрели помощники, и лишь за избранными Морок лично наблюдал.

Всю подоплеку и суть игр Судьба от него прятала, но когда требовалось от игроков правду скрыть, Морок делал шаг, зная, что и за ним присматривают. Только он не он бы был, если б не придумывал, как запрет обойти и голову под топор не подвести. Несколько досок Морок у себя держал: все они его как-то да затрагивали, но вот одна прямоком касалась.

Резные дверцы скрипнули, притворяясь, шкаф со стеной слился, а на его месте появилось серебряное зеркало. Морок снова поправил полы кафтана, выпрямился – высок, статен, пригож собой. Не Словен, конечно же, – тот красив, поганец, – но тож ничего. Вспомнив брата, Морок нахмурился. Что ни день, то от него неприятности. Вымахал орясина, славу заработал хитрого и удачливого воина, а все такой же мальчишка.

Говорил Морок в свое время отцу с матушкой, предупреждал, так нет же, не послушались, а теперь что ни день, то приключения. Как беда с сестрой двоюродной случилась, так и пошел Словен во все тяжкие. Старшие Боги только ругаются, а сами-то первыми Словена спо-

собности используют. Где правду выяснить, где свидетелем выступить, где заверителем договора стать, или еще хуже – вещицу заморскую достать. Словен и так то и дело у друзей своих отсиживается, от поручений батюшки отлынивает, а тут на тебе – готовое оправдание. Ох, не доведет это до добра! Ох, не доведет! Старшие Боги мальчишку нахваливать нахваливают, только вотчину ему давать не спешат, а время-то идет. Еще немного и Словену только о Слуге богов думать-то и останется, тем более с таким-то поведением. А умения у братца и впрямь полезные. Такие бы на пользу Мороку.

Тут серебряный диск пошел волнами, распахнулся оконцем, и в нем показалась матушка.

– Ой, беда-то! Ой, горе-то! А ты, как всегда, и в ус не дуешь, старший брат называется. Я-то думала, старший за младшеньким приглядывать будет, а стало-то?!

Она возмущенно обмахивалась вышитым платочком из тончайшего шелка, что Словен ей от восточных соседей привез – умел он радовать матушку.

Морок с унынием посмотрел на Мару и устало спросил:

– Что еще? Что стало-то?

Мать руками всплеснула.

– Вот! Пожалуйста! Родная кровь тебе побоку. Как богом стал, так мы тебя и видели, – матушка приложила платочек к глазам, вытирая несуществующие слезы. – Совсем нас забыл. А Словен-то переживает, весь измаялся, места себе не находит. Как к Яге слетает, так и печалится.

– Хозяин, – Игоша дернул его за штаны и шепнул: – Вы ж токмо вчерась у родителей были, а позавчерась скандал с Дажьбогом улаживали, да ключи от зимы, что Словен променял, выкупали. Неужто ваша матушка запамятовала? Мож, у нее со здоровьечком что не так? С памятью?

Из зеркала раздалось шипение, от которого даже Мороку стало не по себе:

– Я тебя сейчас самого исцелю от жизни, от призрачной. Ты кого тут хворой назвал?

Морок шикнул на Игошу, задвинул его за спину и улыбнулся матери:

– Ну что ты на него внимание обращаешь? Душа проклятая, не разумная, что видит, то и говорит, – Мара помрачнела, и Мстислав поспешил исправиться, – прости, матушка, не так выразился. Глуп он, служит лишь для развлечения. Так о чем ты хотела сказать? С братом опя... в смысле, что-то случилось?

Мать сверлила его голубыми глазами, которые стремительно становились льдисто-прозрачными бельмами. Ему сейчас только скандала не хватало! Похоже, еще мгновение и запихнет она куда поглубже Мстиславу все слова, что вырвались. Вот не умел Морок кружева словесные плести, как Словен, зато иллюзии хорошие получались, туманы-обманы коварные. Но они явно не ко времени, если только не придется быстро от матушки уходить. Ведь не посмотрит на то, что он бог, устроит выволочку.

– Так что там со Словеном, матушка?

Имя Словена на Мару всегда действовало завораживающе. Она сменила гнев на милость и ласково протянула:

– Сыночек, ты ж не хочешь, чтобы батюшка волновался?

Ох, кажись, надвигаются неприятности. Морок кивнул, не спеша спрашивать, зная матушку, она сама ему все и выложит:

– Солнышко, вот и я о том. Позаботься о Словене, побереги спокойствие батюшки. Лети в Ирий, разберись там по-тихому, полюбовно. Сварог тебя уважает, это он с твоим батюшкой часто цапается, а ты ж у меня мальчик умненький и братика младшенького любишь. Ведь любишь?

Мара посмотрела на него выжидающе, улыбаясь настолько душевно, что аж приторно, отчего Морок невольно скривился. Последний раз, когда он вместо батюшки разбирался с последствиями развлечений Словена, услышал от Перуна столько нелицеприятных слов, что

некоторое время хотелось прибить братика. Это ж надо было додуматься и устроить состязание среди Ясуней, подложив им стрелы Перуновы. Раскрывают суть они только в полете, а так – стрела-стрелой, обычная. А Словен еще Ясуней в полосу выстроил, по приказу стреляли, все вместе. Кто дальше всех стрелу пустит, тот и выиграет.

Поиграли. Устроили светопреставление с громом и молнией, и камнепадом в придачу. Сначала было весело, пока Перун не пришел. А потом досталось всем, кроме Словена – он малой пташкой улизнул, Морок же имел глупость в то время к Сварогу за советом прийти. Посоветовался. Мало не показалось.

А вчерась с Дажьбогом проблемы улаживал. Неизвестно как, но Словен убедил его сыграть на ключи от зимы и выиграл, а потом обменял их на коня волшебного у сына Ярило, сам в Ниппон улетел, а Сварог с Перуном к Мороку обратились. Коня, естественно, забирать не стали, и придраться к Словену вроде не за что – все по-честному, но Дажьбог понять не может, как согласился на такую ставку, а сын Ярило винится, что не помнит, как коня обменивал.

В результате Словен с прибытком, остальные в неприятностях, включая Морока, но не откажешься же. Словен – младший брат, все приключения его прямиком на Мороке отражаются и приходится проявлять верх дипломатии, иначе Ясуни первые же ему попеняют, а ссорится с ними Мороку не выгодно, и приходится выкручиваться и злость на меньшого копить. И теперь любимая матушка снова его в омут с головой забрасывает, но на этот раз явно Сварога придется выслушивать.

Ну ничего, Морок придумает, как братца-то в Слуги взять, и вот тогда он отыграется. К батюшке Словен ни в жизнь не пойдет, как и к дядьке старшому вместе с дедом, а больше ему и не к кому. Желających море, но у Морока шансов поболее будет, еще немного и у братца никакого выбора не останется – только Слугой стать, чтобы избежать безумия.

Силе колдовской нужно направление, в котором она развиваться будет, поэтому так важны для детей богов вотчины, они-то его и задают, а без них только в Слуги идти, верным ленником богов на веки вечные. Без этого – безумие и смерть. Такой путь братец точно не выберет, остается только убедить, что его путь – это в объятия старшего братика, а уж потом Морок научит Словена и как вести себя, и как старших уважать, и как проявлять почтение. А сейчас терпеть приходится, что ради выгоды собственной не сделаешь.

Из мрачных раздумий вырвало злое шипение матушки:

– Сладкий мой. Я не слышу. Ты любишь младшего братика или нет?

– Души не чаю, матушка.

Морок насилу улыбнулся. Так не чаял, что сам бы эту душу сначала из брата вытряхнул, укоротил, а потом вернул обратно. Так нет же! На это надеяться не приходится: Словен хоть и полубог, но с ним не так уж легко справиться.

Ответ маму порадовал.

– Вот видишь! Полети, мой хороший. Я подробностей не знаю, – она отвела взгляд, покашляла, прикрываясь платочком, – совсем не ведаю, но ты же у меня золотце, ты с любым делом разберешься. Верно, солнышко?

Оставалось только улыбнуться, кивнуть и сжать зубы. Окошко захлопнулось, и Морок витиевато выругался. Игоша восхищенно протянул:

– Здбровски! Прямо заслушаешься, – и лукаво спросил: – А меня в Ирий возьмете? Дюже хочется одним глазком взглянуть. Говорят, там от красоты прямо скончаешься.

Морок мрачно посмотрел на него и прошипел:

– Я тебе это и здесь устроить легко смогу, надо лишь вернуть матушку. – В глазах Игоши показались крупные слезы, рот дугой выгнулся, задрожали губы, и Морок сдался. – Ладно уж. Полетели. Главное, на глаза Сварогу не попадайся. Мне еще не хватало за тебя выслушивать.

Куда только что подевалось: на мордахе Игоши снова засияла улыбка, он шустро прицепился к посоху, что у стены стоял, и растворился в нем. Морок снова вздохнул. И за что это

ему?! Он – бог! Бог обмана и иллюзий, бог сокрытых путей к правде, а его словно мальчишку гоняют разбираться с тем, что младший брат учудил. Но что не сделаешь из любви к родителям и своей-то выгоды?

Морок набросил на плечи плащ, взял посох и вышел на балкон. Перед ним клубилось Междумирье с его мрачными туманами, искаженными обликами миров, с серыми провалами и чернильной мутью пустоты. Даже он, хозяин этого жуткого места, не знал его полностью. Да и узнает вряд ли. Слишком изменчивым и опасным оно было, мало кто мог пройти его путем и остаться в здравом рассудке.

Вот и сестрица двоюродная – добрая и ласковая, любимая, – не смогла. Унесла в глубину Камень Силы – чудодейственный камень, что способен создавать богов и в одно мгновение разрушать миры, – спасла всех от гибели, а сама теперь существует в полумраке, то словно бы и прежняя, то опять сына ищет, мечется, слезами горькими умывается, не узнает никого, медленно идет к безумию.

Видать, Словен после посещения восточных соседей к тетке заглянул, да попал на очередное помутнение у сестры, вот и бесится теперь. Никак себя простить не может. Морок себя виноватым не считал, но только, в отличие от братца меньшего, игру вел, а не истерики закатывал.

Путь призрачный расстелился перед ним свитком развернутым, потек волной извилистой. Полы плаща распахнулись за спиной крыльями, ветер миров ударил в спину, и Морок полетел дорогами туманными. Вышел он на золотой мост, миновал его, не касаясь ногами перекладин, и оказался у распахнутых ворот большого сада. В глубине его виднелись раскидистые ветви огромного дуба – Мирового дерева. Обычно тут все сияло от благодати и великолепия, а сейчас на воротах рыдала полупрозрачная душа, другая висела рядом с ней на железных вензелях тряпочкой, а под сводом арки металась ласточка, то и дело роняя из клюва один за другим ключи от Ирия, и все сетовала:

– Ой! Что деется?! Как же быть?!

От такой картины Морок застыл истуканом. Что происходит? Заповедный сад Ирия – священное место душ праведных, что на вершине Мирового Дерева хороводы водят и вниз не спускаются, а тут такое безобразие. И куда только Вольга, смотритель сада, глядит?!

Морок туманными лентами снял души с ворот, подтолкнул их под прозрачные спины и принялся: отчетливо пахло sake, что Словену дарили восточные подружки в таких количествах, что он мог свободно торговать им в Яви весен так четырнадцать без пополнения. Но это у отца им два подвала заставлены, откуда здесь напитокку заморскому взяться?

– Это ты у меня спрашиваешь?!

Похоже последнюю мысль Морок вслух произнес. Он повернулся на голос, уже зная, кого увидит. Статный мужчина выше его на голову, широкоплечий, светловолосый, с руками под стать его молоту. Недаром Сварога Небесным кузнецом кликали. Рядом с ним стоял Вольга Святославич и посмеивался, зажимая в кулаке бороду, но едва Сварог к нему повернулся, как брови богатыря сдвинулись, взгляд потемнел, губы поджались: гневался Страж Ирия.

Морок тяжело вздохнул. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: братец и тут руку приложил. Чуюло сердце недоброе, ох, чуюло. Если Сварог с Вольгой его у порога встретили, то что ждет его дальше, Морок даже предположить не мог. Он огляделся, кашлянул и уточнил:

– Честно сказать, даже неловко спрашивать. Что случилось-то?

– Что случилось, спрашиваешь?! – Сварог бросил на него сердитый взгляд. – Ну идем, полюбуешься, если Мара тебе ничего не рассказывала.

Сварог шагнул в глубину сада, остановился, оглядываясь, и сурово обронил:

– Надоело мне все, Мстислав. Терпение у меня не железное. Пусть Словен радуется, что в любимчиках у жены моей ходит, но и это его скоро не спасет.

Сварог зашагал вперед.

Ох матушка, и во что она его только втянула?! Морок склонил голову в знак запоздалого приветствия и пошел вслед за Сварогом. Вольга чуть приотстал и поравнялся с Мороком.

– Что опять мой братик учудил?! – Морок спросил шепотом.

Вольга тихо хохотнул, бросил в сторону старшего родича косой взгляд и помотал головой.

– Нет. Не хочу портить тебе впечатление. И насчет Игоши, – он кивнул на посох Морока, – я не против, пусть смотрит, но скажу сразу, нос высунет – развоплю.

Посох тихо пискнул и на миг пошел рябью, и Морок ответил вместо нечисти:

– Спасибо.

Они шли между волшебными деревьями с руками-лианами, диковинные цветы поворачивали вслед за ними причудливые бутоны, пестрели яркими красками. Вдалеке на раскидистых ветвях яблонь созревали молодильные яблочки, и спокойно несла воды река Молочная. Миновав хрустальный мост, они вышли на поляну, посреди которой бил кристально чистый родник. Вокруг него сидели берегини – чародейки красоты неописываемой и такой же мудрости, чудо-птицы Сириин да Алкност обхватили их руками-крыльями, и все дружно пели грустную песню о тяжелой доле замужней женщины, а Лель им на дудке подыгрывал.

В глубине поляны за накрытым столом сидели Лада и Девана. Их волосы, обычно распущенные, были собраны странным образом и походили на хорошо сбитое облако, из которого торчали палочки с длинными бусами. В руках богини держали по раскрытому вееру, с каждым взмахом которого изображенные на них журавли хлопали крыльями. На столе между закусками стояли глиняные бутылочки и маленькие чашечки, из которых жена Сварога и жена Вольги потягивали sake. Раскрасневшиеся, в небрежно накинутых на плечи кимоно, они даже издали не походили на гейш, за которыми пробовали повторять движения, наблюдая по волшебному зеркалу.

Мстислав замер, не зная как реагировать, и наперво покосился на Сварога: Старший Бог в жене души не чаял, во всем поддерживал, и ревновал жутко, хоть этого открыто и не показывал. Он уже не раз намекал Мороку, что Словена рядом с Ладой видеть ему не хочется, но разве братцу втолкуешь?! Словен в Ладу еще маленьким влюбился, и с того времени из любой поездки подарочек ей да привезет. Не забудет, уважит, сам в ручки гостинец отдаст, а Лада, словно специально, отвечает ему благосклонностью.

Сколько раз уже Мстислав объяснял Словену опасность его увлечения, но кто б его слушал?! Ох допрыгается младшенький! И сегодня вместо того, чтобы к батюшке с матушкой поспешить после возвращения из страны Восходящего Солнца, братец снова к Ладе отправился. Радовало одно: присутствие жены Вольги, Деваны, иначе бы Сварог точно сорвался. Вон как глазищами сверкает, но молчит.

Неподалеку, рядом с чашей ручья, в обнимку с Гамаюн сидел виновник переполоха и пил sake прямо из бутылки, а из другой подливал птице-женщине. От макушки до пояса было ее тело человеческим, лишь вместо рук красовались огромные крылья, а от пояса и ниже была она птицей с черно-синими перьями в цвет ее длинных волос, что вились крупными кольцами.

– Вот скажи мне. Ты – вещая птица? – Словен подхватил вторую бутылочку, что у его ног стояла, и щедро плеснул sake в чашечку Гамаюн.

– Вещая, – она ответила с грустью в голосе, наблюдая за его действиями.

– Ага, – Словен кивнул так, что хвост волос стегнул его по лопаткам, – и Судьбу ты предсказываешь. Верно?

Гамаюн недовольно поджала губы, укоризненно поглядывая на Словена, и процедила сквозь зубы:

– Я тебе не пророчица.

Младший брат даже и не подумал учитывать настроение одной из самых могущественных чудо-птиц – любимиц Сварога. Он сделал глоток из бутылочки и уточнил:

– А в чем отличие?

– В их случае бабка надвое сказала, гадают-сомневаются, а я знаю все и со всеми перепутьями выбора. – Она отхлебнула sake из чашечки и с интересом в нее заглянула. – А ничего так. Думала, дрянь иноземная. Ошибалась. Как, говоришь, называется? Нихон... как?

– Не важно, – Словен отмахнулся рукой, в которой держал бутылочку. – Ты мне лучше скажи, если ты все знаешь, то почему до сих пор твои слова не сбываются?

Гамаюн покачнулась, опираясь на Словена, и хмуро потребовала:

– Докажи.

– Да пожалуйста. Ты обещала, что сын Даны вернется, и где? – он развел руками, заметил Морока и завопил на всю поляну: – О! Братик! Присоединяйся! Сварога и Вольгу не зову, потому что им sake жены обещали оставить, да и не компанейские они. Иди сюда! Я тут с Гамаюн выясняю, почему ее слова оказались ветром в поле, а не пророчеством.

– И ничего подобного! – Гамаюн толкнула его в бок крылом. – Просто еще время не настало.

– Да сколько можно-то?! Уже одиннадцатая весна пошла! – Словен протянул птице бутылочку, и они дружно соединили ее с чашечкой, отхлебнули, и Словен продолжил: – Ну а моя вотчина где? Ты ж сама обещала!

– И ничего подобного. Я сказала, – она на миг наморщила красивый лоб, губки поджала, вверх глядя, а потом воскликнула: – О! Вспомнила. Я сказала, что тебе переродиться надобно, а потом уж ты богом станешь.

– Да что ж это такое делается?! – на скулах Сварога играли желваки, кулаки сжимались. – Богом станет?! Нам только такого бога и не хватало! Локи да Словен – два сапога пара, оба левые. Не бывать этому!

Словен с тоской посмотрел на Сварога, но обратился к Гамаюн:

– И чего он злой такой? – и сразу выдвинул предположение: – А! Понял. Из-за того, что ему sake не досталось, так ему Лада заныкала бутылочку. Я ж и на его долю принес. Чего злиться-то?

Гамаюн отмахнулась и потянулась к Словену за новой порцией.

– Не обращай внимание, у него просто размолвка с же... – под мрачным взглядом Сварога птица закашлялась и исправилась: – Настроение плохое, видимо.

Вольга склонился к Мороку и прошептал:

– Не надо было твоему братцу Ладе зеркальце волшебное дарить. Она на Сварога обиделась. Мальчик дескать ее уважил, подарочек подарил, а от мужа родного даже платочка не дождешься. Они третий день препираются. И сегодня он Ладу уже четыре раза домой звал, но все без толку. А я Девану даже не трогаю, – он с улыбкой покосился на жену, что примеряла очелье перед зеркальцем, – пусть отдохнет, не так часто Словен заморские подарки приносит. Мне самому интересно, но злить Сварога не хочется. После sake попробую.

Меж тем Сварог жену уговаривал домой пойти: мол, отдохнула, пора и честь знать. Только Лада от мужа отворачивалась или кидала такие взгляды в его сторону, что Сварог отступал и лишь хмурился, но с Мороком церемониться точно не собирался. Он бы и до Словена добрался, только окружала младшенького искристая сеть благодати Лады. Вот она-то его и спасала от гнева Старшего Бога.

Сварог развернулся к Мороку и грозно прорычал:

– Сейчас же прекрати это безобразие!

Морок оторопел от такого требования. Интересно знать, каким образом он это прекратит?! Брата уволочь за шкуру домой, чтобы проспался, он еще сможет, но как быть с богинями? Тут из воды высунулась русалка и томно вздохнула:

– Хорошо-то как!

– А эта что здесь делает?! – от рева Сварога на миг заложило уши.

– Да! Непорядок, – нахмурился Вольга, а Морок вовсе дар речи потерял, разглядывая чудо-чудное: нечисти нет места в Ирии, откуда она тут?!

Через мгновение все прояснилось, ибо Словен недовольно спросил:

– Вам что, жалко? Пусть немножко порадуется, она ж не жить тут собирается.

В Сварога полетело гнилое яблоко, и Морок схватился за голову: за деревом прятался шишига. Ну все! Злой, как шершень, Сварог выхватил меч, замахаясь. Нечисть завизжала, заулюлюкала, бросилась врассыпную, выскакивая из-за деревьев, кочек, овражиков. Да откуда их столько здесь?!

– Подожди! Свет очей моих! Охолопись! Это я позволила душам проклятым поглядеть немного на благодать Ирия. Посмотрят и домой пойдут. – Лада встала на пути Сварога, распротерла руки, загораживая от разъяренного мужа нечисть.

– Ты в своем уме?! Здесь не место нечисти!

– А то я не знаю! Только взор Рода-батюшки одинаково на всех смотрит. Все мы равные! Глядишь, полюбуются неразумные на красоту Ирия, переродятся и пойдут путем праведным, а ты их последней надежды лишить хочешь!

– Я?!

Вольга поморщился, обменялся с женой взглядом, но Девана лишь улыбнулась и отсалютовала ему чашечкой.

– Вот же ж бабы вредные, – долетело до Морока едва слышное возмущение богатыря, а потом тот его в бок толкнул. – Чего замер? Собирай давай, мы со Словеном про это не договаривались.

Как же сейчас хотелось от души врезать братику. И за что только Судьба так над Мороком посмеялась? Неужто всю жизнь долгую придется ему брата за уши из неприятностей вытаскивать?! И с чего это он должен собирать нечисть-то?! Вот кто созывал, тот пусть и растаскивает. Морок подскочил к брату, вздернул его за шкирку на ноги, но тот вырвался.

– Ты руки не распускай-то! Надоели им гости? Мы и сами уйдем!

Словен пошатнулся, удержался за плечо чудо-птицы, и Гамаюн покачала головой, укоризненно обронив:

– Не обижай мальчика, Мстислав. Видишь, он печалится. Душа у него тонкая, ранимая: юнец же еще. Не делай вид, что тебе то неведомо! Дай ему в себя прийти.

– Печалится?! Душа ранимая?! Да ты... Да вы...

От такой наглости у Морока все слова исчезли, остались одни междометия. Одну часть³ слова подыскивал, а потом вымолвил:

– Как устраивать безобразия – так душа, а как последствия расхлебывать – так братец старший помощи. Так что ли?!

Словен удивленно посмотрел на Морока, головой тряхнул, видимо разгоняя муть, и нахмурился.

– Не было такого. Я тебя не звал, братец. Ты видать что попутал.

Морок, сжав зубы, уставился на брата пристально, но тяжелый взгляд действия не возымел. Пороть его чаще надо было. Пороть! Плюнув на помощь брата, Морок принялся сам вылавливать мелкую нечисть по всему Ирию, а волшебный сад словно и не сердился на ее присутствие, помогал прятаться, укрывал кустиками, норки делал. Вскоре к Мороку Вольга присоединился, и под завершение они оба были взмокшими, красными и злыми.

Вольга навис над Словеном, что беззаботно посапывал у ног Гамаюн, а птица-женщина его заботливо крылом по голове гладила.

– Дрыхнет, поганец! Был бы младше, взял бы ремень да выпорол! Где это видано, чтобы нечисть по Ирию бегала?!

³ Часть – мера времени у древних славян, приравнивается к 37,5 сек.

Гамаюн усмехнулась, взглянув на витязя ясным взором, словно и не пила ничего:

– Чего ты сердишься? Ну развлекся мальчик, и нас развлек. Когда б я еще sake попробовала? Сварог у нас мужик слишком правильный, все по писанному делает, а развлекься-то хочется.

Вольга хотел было возмутиться, уже и рот открыл, но Гамаюн посмотрела на него хмуро и пристально, что богатырь тотчас его закрыл. Ой не понравились Мороку их переглядывания. Кажись чего-то не знает он. Мороку о Камне Силы говорить Словену запретили строго-настрого, младшенький до сих пор думает, что это из-за ритуала запретного сила исказилась у сына Даны, разбушевалась. Морок-то сам сестру обратно выводил, и Камень полыхающий видел. Но не просто так Гамаюн, да и Лада, не дают Словену по заслугам воздать, мирятся с его выходками. Значит, есть еще что-то, что Мстислав позже обязательно разведает.

Но Вольга не выдержал и все равно огрызнулся:

– Ну так сама бы эту пакость и отлавливала! А то кому развлечение, а кому головная боль! – он с шумом вложил меч в ножны.

Птица взмахнула крылом, и рядом с ними очутились три шишиги и анчутка.

– Ах ты ж! Не всех отловили. – Морок вытер рукавом вспотевший лоб и взмахнул рукой, ленту туманную выпустил. Спеленала она нечисть и домой в Навь отправила, а Мстислав покоился на брата. Ох он ему выговор устроит! Ох выскажет все, еще и батюшку на помощь позовет. В общем, мало Словену точно не покажется.

– Ты раньше не могла, что ли, так сделать? – Вольга волком смотрел на Гамаюн: глядишь, пройдет мгновение – и перекинется в зверя дикого.

Но тут к нему подошла Девана – красавица богиня лесов, – поцеловала мужа в щеку, волосы пригладила и шепнула:

– А не помнишь ли случаем, кто недавно жаловался, что жирком обрастать стал?

Вольга залился краской, кашлянул смущенно и буркнул:

– Не помню, – и уже произнес доброжелательно: – Ну развлеклись, и то ладно.

Морок скрыл усмешку, оглянулся: Сварог все еще с Ладой препирался. Правда, уже не столь сурово и негодующе. Значит, самое время уходить. Вольга помог ему бесчувственного Словена на плечо загрузить и провел короткой дорогой до золотого моста. Но едва Морок ступил на него, как перед ним показалось лицо Сварога и вдалеке загремел гром.

– Еще одна такая выходка, и я даже разговора не потерплю о Слуге Бога, а тем более о вотчине! Пусть Кошей виру готовит. Надоело твоему братцу все с рук спускать.

Сварог растворился в легкой дымке Прави, и Морок от всей души вlepил брату по седлицу, но тот только буркнул что-то неразборчивое, да ногой взбрыкнул. Спит, окаянный!

– Ой, что будет-то?! – Игоша призрачным обликом показался из посоха, испуганными глазами глядя на Морока. – Что делать будем, Хозяин? Братца-то вашего жалко даже. И чего Сварог взъелся-то? Ничего ж плохого Словен и не сделал-то.

Морок цыкнул на него, заставляя снова спрятаться в посохе. Не сделал, говоришь? Еще как сделал, теперь Лада Сварогу житья не даст, а Словен крайним окажется. Поганец! Хоть бы к лисицам своим или к русалкам, что ли, отправился. Нет же! Лада для него – образец истинной женщины, вот он ей подарки и таскает. Богине нравится, а Сварог бесится. Надо лететь к батюшке, хоть и достанется младшенькому, и мать хотела от него все скрыть, да не получится. Угроза Сварога не шутки. Что делать-то?! Ведь без вотчины, да и без положения правой руки бога, Словену один путь, в безумие, а это верная смерть.

Глава 2. Люди-мороки

Лад сидел на телеге и старательно делал вид, что не слышит разговор женщин: поправлял ремешки заплечного мешка, одергивал ворот новой рубахи, что дядька Ван привез ему из Велера, столицы княжества, и притворялся глухим.

Дородная баба – жена старосты, поджав губы, смотрела на Лада, сложив руки на обширной груди.

– Ишь, глянь-ка на него! Вырядился. Балует его Ван, ой, балует! Да он Вану в ножки кланяться должен! Всея деревней его выкормили, выпоили, приютили безродного не выгнали, а он нос задирает.

Лад едва не фыркнул, но вовремя одернул себя – не хватало, чтобы вздорные бабы подняли крик, обвиняя его в грубости. Кто б там его выкормил?! Если б не дядька Ван, пропал бы Лад. Дядька его выходил да выкормил, обувал и одевал с трех весен и до сих пор. Ладу скоро шестнадцать стукнет, а дядька и не думает ему на порог указывать. Не каждый отец так о своем ребенке заботится, как дядька о Ладе. За что Лад был ему благодарен.

Одно плохо: не давал дядька Ладу в Велер навеститься, родителей поискать. Не могли ж его в самом деле малым ребенком выгнать, хоть и твердит вся деревня, что от него родители избавились. Мол, кому нужно колдовское отродье-то?

Но Лад не верил злым словам. Вероятнее случилось что, или потеряли, а может и вовсе украли его маленьким. Лад не помнил своего детства, лишь смутные лоскутки прошлого всплывали время от времени в памяти: одни душу травили, да сны ужасные навевали, другие радовали. Но кто он и откуда, Лад крепко забыл.

Из раздумий его вырвал визгливый голос старости:

– Порченная кровь одно слово! Грязная!

Лад сжал зубы, пропуская мимо ушей обидные замечания. Он знал не понаслышке: скажет в ответ хоть слово, и скандала не миновать. Староста спит и видит, как бы его в Велер на суд князя отправить. Давно бы уже его, как колдуна, спровадил, да дядьку Вана опасается.

После того, как колдуны едва не погубили князя, и чуть полстолицы не уничтожили, стали к ним в народе относиться с опаскою. Князь, добрая душа, не велел их трогать, велел к себе на суд честный отправлять, и, если колдун зла не причинял, вовсе отпускал на все четыре стороны, на что народ смотрел скептически. Сейчас не причиняет, так потом начать может. Но поговаривали, что тех колдунов, что князь отпустил, потом мертвыми находили, а о тех, которых осудили согласно провинности, вообще ни слуху ни духу, будто и не существовало их вовсе. Поэтому Лад не горел желанием на суд князя отправиться. Мало ли, а вдруг и впрямь колдуном назовут, хотя из колдовского у Лада, кроме внешности, ничего и не было.

Колдуны от обычных людей всегда отличались: метка во внешности не давала спутать их, и у каждого она была своя. Это волхвы, да чаровники, несмотря на силу, ничем не отличались, а колдуны всегда выделялись. К несчастью, и Лад выделился. Волосы белые, глаза серебром плавленным отливают, да сам он краше девок выглядит. Сколько Лад со своей внешностью уже намучился, и конца краю не видно. Никак не могли деревенские в толк взять, что кроме внешности еще и дар колдовской силы должен быть, а у Лада ее отродясь не было. Только кто б ему поверил бы!

К возмущенным словам старостиhi присоединились вопли ее подружки, знахарки Святовиты:

– Добрый Ван, жалостливый, – знахарка смотрела на Лада с таким презрением, что он чувствовал ее обжигающий взгляд едва ли не кожей. – А этот и околдовать его мог. Вона зыркает своими бельмами. Колдун, одно слово!

Лад не выдержал, пересел к ним спиной. Удивительно, что только на него деревенские ополчились: дядька Ван тоже не походил на жителей Яблоневки. Рослый, косая сажень в плечах, кудри золотые, русая борода окладистая, глаза, словно васильки синие, – пойди найди второго такого. Только дядька Ван для всех богатырь, а Лад – колдун. И удачлив он слишком, и ловок не по годам, и таких «и» находилось немерено. Все хорошее, что делал Лад, деревенскими тут же переиначивалось: мол, у него хорошо получается, потому что колдун он, порченная кровь.

Лад и доказывать пытался, что отец его воин, и убеждал, что помнил статного витязя, который его на коня сажал, лук маленький держать учил, к небу подкидывал, – деревенские его слова все равно за вранье принимали. Только благодаря дядьке Вану терпели Лада, да с присутствием его в деревне мирились.

– Тронулись! Неча время терять! – зычный, низкий голос дядьки Вана подстегнул мужиков, что топтались у харчевни, обсуждая последние новости.

Лад и рад был бы послушать, о чем мужики бают, но и к ним ему дорога была заказана. При дядьке Ване не станут руки распускать, но все равно прогонят. Это маленьким Лад с кулаками кидался на обидчиков, кричал, что к темной тропе отношения не имеет, да кто б его слушал, и перепало ему от деревенских знатно.

Пошел прочь колдовское отродье! Такое обращение от старших Лад регулярно слышал. Попытались так вести себя и его ровесники, да ребята чуть старше, но он на место их поставил, правда, потом грандиозный скандал разгорелся, едва дядька его погасить смог. Лад после седмицы в лесу в землянке прожил, шкуры на продажу подготавливая. А дядька ему дырку в голове провертел нотациями, хорошо хоть лозину в руки не взял. Ван ему после строгонастрого запретил с деревенскими ругаться, и приходилось терпеть.

Было б меньше обидно, если бы Лад колдунов уважал, но он-то и сам на них смотрел искоса. Зачем идти по темной тропе, коли есть путь Светлых богов? Ну не дали тебе Доля с Недолей удали молодецкой, одарили колдовским даром, так и иди в волхвы или в знахари, чего ради становиться изгоем, да творить всякое непотребство? Лучше помогай людям светлым словом, а не темными заклятьями. Да и разве ими поможешь?! Только навредишь.

Лад заклятий ни темных, ни светлых не знал, лишь пару заговоров, чтоб кровь остановить, жар сбить. Волшебной силы за собой не замечал, но деревенским это было без разницы. Они решили, что Лад – колдун, и доводы разума слышать не желали. Был бы в Яблоневке волхв, он бы сразу доказал, что Лад не колдун, но увы, не хотели жрецы богов забираться в глушь: хоть и столица княжества недалеко, да только на границе с Велесовыми пущами жить было неуютно.

Запретные леса, границу между миром Яви и Нави, обходили стороной многие, лишь отчаянные храбрецы осмеливались ее переступить. Мало кому хотелось встретиться по доброй воле с той же Бабой Ягой, что в пущах себя хозяйкой чувствовала, или с Лихом Одноглазым. Хоть и манили волшебные леса чудесами да богатствами, единицы без разрешения Темных богов решались войти под их сень, и многие из них так там и сгнули.

Яблоневка приютилась неподалеку от старого тракта у самого края леса, что отделял Явь от пущи. Тянулся тракт извилистой змеей к соседям в Краснозерское княжество: самый короткий путь от столицы Велера в приграничные Желни, которые славились своим торжищем. Только мало кто решался ехать по нему: нечисть, хоть и редко, но выходила прогуляться за пределы волшебного леса. Убивать не убивала, но попугать, запутать, завести в чашу могла,

поэтому и обходили старый тракт купцы стороной, но дядька Ван всегда выбирал именно его и мужиков убеждал вместе ехать. Да и сам он, в одиночку, не боялся промышлять в приграничной чаще, ведь именно она давала самую лучшую пушнину, древесину да ягоду с лечебными травками.

Деревенские тоже не отставали, но так далеко, как воспитатель Лада, в леса не заходили. Поэтому и жили Лад с дядькой лучше всех в деревне: меха, что Ван добывал, расхватавали в одно мгновение, сам князь не брезговал их покупать. Об этом Лад от Михея, сына кузнеца, услышал, сам дядька не распространялся, кто у него в покупателях. Он Лада в Велер не брал, жестко прерывая все расспросы. Лад сколько раз не пытался узнать, почему воспитатель его с собой не берет, в ответ получал только недовольный взгляд и категоричное «нет». А вот в шумные Желни, до которых полдня пути было, Лад с дядькой частенько ездил. И сейчас вереница обоза растянулась по дороге, огибая большое озеро.

Лад лежал на телеге, разглядывая, как высоко в небе кружат два сокола. Скрипели колеса, звенели стрекозы, перекликивались птицы, фыркали и похрапывали лошади. Дядька ехал у самой телеги на своем любимом Злате: белом с яблоками красавце, норовистом и сильном жеребце, что подпускал к себе только наставника и по великой милости Лада, если тот приносил с собой угощение – хлеб, щедро посыпанный солью.

– Гляди-ка, дядька, – Лад указал рукой на соколов, – они за нами от деревни летят, словно охраняют.

Дядька бросил взгляд в небо, хмыкнул и покачал головой.

– Выдумщик. Охотятся они. Нужны мы им, как телеге пятое колесо.

Лад улыбнулся, жуя соломинку.

– А вдруг нужны. Сейчас как упадут вниз, как утащат шапку дядьки Торма. Она жуть как на драного кролика похожа. – Тут соколы камнем ринулись вниз. – О! Гляди-ка!

Лад подскочил, указывая на птиц. Возница – дядька Михей, деревенский кузнец, – удивленно поглядел вверх, и Ван недовольно отрезал:

– Не балуй! И не неси чушь. Видать кролика увидели.

Лад хотел было возмутиться – почем зря поругали, но дядькин взгляд заставил замолчать, и Лад опять улегся на солому. В глубине ее, тщательно укрытые, лежали мечи на продажу, а рядом с ними пара мешков с мехами. Удивительно, что дядька решил сейчас ехать в Желни: слишком мало было шкурок для торговли. Но Лад не стал спрашивать о причине: дядька был не в духе, а как говорится, не буди Лихо пока оно тихо, и Лад удобно устроился на телеге, разглядывая небо.

Старая дорога петляла среди высоких елей, из леса веяло прохладой и сыростью. Он жил своей жизнью, не обращая внимания на людей, шумел ветвями, звенел трелями птиц и стрекотом жучков, и Лад задремал: рядом с дядькой он чувствовал себя всегда спокойно и в безопасности.

Одного только взгляда хватало, чтобы определить, где дядька: золотые волосы было видно издали, он отличался от деревенских мужиков, как те соколы, что их сопровождали, от воронов. Каждый, кто видел дядьку с мечом, говорил, что он – воин, а не простой охотник, но о своем прошлом воспитатель Лада помалкивал, словно воды в рот набрал, сколько бы Лад не расспрашивал. По деревне каких только слухов о дядьке не ходило, только о нем все сплошь героические, да сердечные, не то что о Ладе.

– Лад! Просыпайся, хватит бока мять, еще поворот и Желни покажутся.

Лад подскочил, потянулся, одернул перекрутившуюся рубаху и подтянул за голенища новые сапоги – еще один подарок воспитателя.

Дядька улыбнулся ему.

– Выспался?

Лад смущенно кивнул. Забота дядьки грела. Лад знал, что безродным сиротам жилось худо, но в его случае все было иначе. Дядька был строгим, но добрым наставником. Жил он бобылем, баб вокруг него в деревне крутилось много, но дядька ни одну из них не выделял. Лад маленьким жутко боялся, что Ван приведет в дом женщину, но шло время, а ни одной «юбки», кроме старенькой соседки, в доме охотника Вана так и не появилось.

Лад огляделся. Уже виднелась речка Желни, на высоком берегу яркой россыпью жались друг к другу дома, торжище разноцветным платком шло от берега реки до первых домов. Яркими цветками стояли палатки купцов.

Дядька поторопил:

– Не копайся. Бери мешок, иди за мной и помалкивай. – Он нахмурился, поглядывая в сторону торжища, и пробормотал: – Непокойно у меня на душе что-то.

Лад подобрался. Ни разу еще дядька не ошибался в своих предчувствиях, удивительно, что никто ни разу не причислил его к колдунам за это. Лад вложил в ножны меч, подхватил мешок, что дядька собрал.

Лад встряхнул мешок, перетянул еще раз его горловину и забросил на плечо. Дядька с мужиками оговаривал место, где деревенские оставят телеги да коней. Постоялый двор каждый раз выбирали один и тот же, но мужики любили обсудить все, возвращаясь каждый раз к исходному. И чего только время тратили?

Торжище шумело людьми, наперебой предлагали товары, кричали, спорили. Желни собирали людей не только с ближайших селений, сюда ехали и из Велера, и из далекой Сольмеи, даже темнокожих мономатанов можно было увидеть среди купцов: их разноцветные хламиды крыльями диковинных птиц летали вокруг их рук, очень уж любили они жестикулировать.

Лад вертел головой, не желая упустить даже мелочи. Не так часто он выбирался из Яблоневки, и сейчас наслаждался. Дядька скалой возвышался рядом с ним, люди расступались, уступая ему дорогу, а Лад старался не отстать. За весь путь дядька ни разу не предложил товар, и Лад с удивлением на него поглядывал. Воспитатель словно выискивал кого-то в толпе, то и дело вглядываясь вдаль, останавливаясь и только для вида интересуясь ценой: Лад понимал это по тому, как безразлично звучал голос дядьки, он почти не смотрел на товар и быстро шел дальше.

– Дядька, – Лад не выдержал, – мы ищем кого или ждем?

Дядька оглянулся, измерил его внимательным взглядом и отрезал:

– Помалкивай, узнаешь в свое время.

Лад вздохнул. Объяснений точно не будет, вдобавок настроение Вана портилось, словно до него дошли очередные сплетни о колдовской силе Лада: он терпеть не мог, когда деревенские в очередной раз обсуждали везучесть Лада и ее истоки.

– Колдун! Смотрите! Колдун!

Лад вздрогнул, испуганно оглянулся, зацепился сапогом за камень, споткнулся и полетел вперед. Сколько раз приходилось слышать подобное в Яблоневке, но в Желнях ни разу. Неужели и здесь началось тоже самое?! Как бы бедой не обернулось подобное.

Дядька вовремя поймал Лада и хмуро обронил:

– Смотри под ноги.

Лад виновато кивнул. Рядом с дядькой он частенько чувствовал себя маленьким. С перепуга сердце никак не успокаивалось – у самого горла стучало. Устал Лад доказывать, что к нечистой крови он никакого отношения не имеет, даже к волхвам ходил, за что дядька его потом знатно выпорол, но доказать, что он сын воина, а не бесчестного колдуна, у Лада так и не вышло: свои воспоминания к делу-то не пришьешь.

Дядька поправил заплечный мешок, перекидывая его поудобней, и предложил:

– Пошли-ка, глянем. Что там за крики?

Он начал протискиваться сквозь толпу зевак, и Лад постарался не отстать. Слава Светлым богам, что крики летели не в его сторону. Похоже, собирались судить колдуна: на помост, что стоял ближе к городу, уже поднималась стража и посадник – суровый дядька в возрасте в богатой свите и плаще, застегнутом большой фибулой. Он уселся на резной трон, что водрузили на помост загодя. Перед помостом лысой проплешиной виднелась утоптанная земля, на которую и вытолкнули высокого худощавого паренька, чуть старше Лада.

Меньше всего Ладу хотелось смотреть на колдуна – не одобрял он его выбора, – но на душе скребли кошки. А вдруг почем зря оклеветали, прям как самого Лада?

Лад пробормотал себе под нос:

– А вдруг он не виноват ни в чем?

– Еще как виноват! Сразу видать, ты чужак. – Мальчишка младше Лада, обтер об рубаху большое яблоко и с громким хрустом откусил. – Это колдун и силищи в нем немеряно. Это я тебе точно говорю.

Он указал яблоком в сторону паренька. Тот замер посреди пустого пространства с опутанными веревкой руками и завязанными глазами. Каждый знал, если колдун не видит, значит, и колдовать не сможет. Паренек стоял на месте так, словно на нем не было веревок и он видел, кто перед ним сидит. Расправив плечи и высоко подняв голову, колдун всем видом показывал, что происходящее его не пугает, но по тому, как подрагивали руки, как тот слатывал и держался неестественно прямо, Лад догадывался, что ему страшно. Любому б было страшно.

Посадник поднял руку, призывая к тишине, и голоса стихли, оставляя лишь недовольный ропот.

– В чем он повинен? – посадник смотрел на колдуна хмуро, словно уже вынес ему приговор и лишь для порядка следовал правилам.

Вперед вышел обличник и принялся зачитывать вину. Чего только не делал паренек: и лечил без зелий, и смущал людей речами, мол боги все равны и одинаково важны, и Дасуни не творят зло, а взяли на себя все темное, чтобы не дать ему прорваться в Явь, что нет разницы, кем и каким ты родился, каждый имеет право жить так, как ему хочется и отличаться от других.

Чем дальше говорил обличник, тем громче роптал народ.

– Ишь умный какой выискался! Вот пуцай к своим Темным богам и идет, о равенстве им рассказывает. Да Баба Яга от него даже косточки не оставит, а колдовскую силу выпьет – не подавится.

Кто-то над пареньком насмеялся, называя дураком, кто-то злился, одна баба возмущенно выкрикивала:

– Утопить его! Неча ему детей малых смущать! Пуцай к своему Кощею на закуску и идет!

Посадник рывкнул:

– Тишина!

Голоса стихли, а обличник продолжил зачитывать вину. По всему выходило, что не видать колдуну свободы, хотя в чем-то Лад был согласен. Что плохого в том, чтобы не быть ни на кого похожим? Кому какая разница что тебе нравится? Главное, свое мнение не навязывай, да и живи, как хочешь, и другим не мешай. Колдун же нарушил это правило и про Темных богов чушь плел, но хуже всего то, что он людей исцелял заклятьями – не видать ему свободы, как пить дать. По мере речи обличника народ все больше возмущался:

– Охальник! Ишь какие речи ведет! Да где это видано, чтобы Темные боги добро делали?! На Божий суд его! Посмотрим, как за него они вступятся!

Лад хмыкнул с горечью.

– Это точно. Никто за него вступаться даже не подумает. Темным богам веры нет.

Он посмотрел на дядьку, ища поддержки своим словам, и с удивлением заметил, что дядька Ван зол. Хоть и стоял он, как скала, спокойный и безучастный к происходящему, меж бровей залегла легкая складочка, что для Лада говорило многое. Никто не знал дядьку лучше

его, Лад даже со спины мог угадать настроение наставника и решить, домой идти или схорониться у соседей в курятнике. Сейчас все указывало на то, что наставнику не нравилось происходящее.

Речь Лада поддержал темноволосый мальчишка весен двенадцати. Рыжие конопушки огнем горели на его лице: видать, разорил гнездо не одной ласточки⁴.

– Эт точно. Нашел, олух, заступников! Да и не место колдунам среди честных людей. Пушай убираются, откель пришли.

– Да нашенский он, – румянощекая девочка поглядывала на них задрав нос, – с восточной окраины. Как шарaxнул его Перун-батюшка молнией, так и открылся в нем дар нешуточный. Его сразу прогнать хотели, да пожалели.

На нее шикнула мать:

– Помалкивай!

– Видать Перун сразу в нем червоточину заприметил. Ничего, тогда не убили, сейчас на Божий суд отправится, – парень с такой неприязнью слова вымолвил, что Лада это покорило, и он возмутился:

– Может ты и прав, только мало слов, нужны еще и доказательства.

Темноволосый фыркнул, снисходительно поглядывая на него, от яблока у него в руках остался только хвостик, который тотчас полетел в пыль.

– Докажут. Бравник, посадник наш, без доказательств не обвинит, сейчас вызовет видока, и конец колдуну – утопят. – Он толкнул Лада в бок. – Вона! Слышишь? Видока кличут. Конец колдуну.

Худой словно жердь мужичок с нездоровым желтым цветом лица бодро засеменял, занимая место перед помостом с посадником. Рассказывал он красочно, руками размахивая, приседая, да стараясь все в лицах передать, и как лечил его колдун, и как он Морану-Смерть упрашивал отступить, и как она его слушала, а потом ушла, как колдун заклятья пел, и как колотило бедного видока из-за прикосновений силы темной, колдовской. И зачем терпел, спрашивается? Или ему в исцелении Светлые боги отказали-то?

Его речи народ слушал, затаив дыхание и ловя каждое слово, только Лада брали сомнения. Морану-Смерть даже упоминать страшно, а по словам видока выходило, будто она не только пришла, но и слушала, во что верилось с трудом. Костлявая старуха с серпом приходила только за одним – перерезать нить жизни человека, и тут умоляй, плачь – она к мольбам глуха.

Он хмыкнул скептически:

– И как только он ее дозвался? Известно, что Темные боги слепы и глухи к просьбам смертных. Зови не зови, они не придут. Врет небось видок.

– Много ты понимаешь, – парень старше Лада недовольно фыркнул. – Стомарь в этом врать не станет. Это он, когда медовухи перепьет, чушь несет, а на светлую голову за ним такого не водится. Все знают, что он дюже болел, а теперь вон как бойко языком чешет, да и шатать его перестало, раньше он едва на ногах держался. Вылечил его колдун, зуб даю, тут и доказывать не надо, сразу видно.

Рядом с ними стояли купцы, по одежде видать, что с Армерии: халаты полами пыль подметали и были перехвачены широкими поясами, а на голове длинные платки. Только завязывали их, не как бабы в деревне, а сзади, так что свободный край платка походил на хвост диквиной птицы. Один из них – высокий, мощный, – хмуро обронил на ломаном велерском:

– Так и что в этом плохого-то? Он же его вылечил, а не убил.

Лад фыркнул наравне со всеми и вежливо пояснил:

⁴ древнерусское поверье – считалось, что веснушки появляются у тех, кто разоряет гнезда ласточек.

– Кого спасли с помощью Темных богов, тому к Свету путь заказан. Закрыт для него Ирий, ему только один путь: в Пекельное царство на услужение самому Чернобогу. Грязь к грязи, как говорят. Ой!

От прилетевшего подзатыльника Лад аж присел: дядька буравил его гневным взглядом.

– А ну-ка помолчи, знаток Темных богов! За мной иди.

Да за что?! Лад никак не мог взять в толк, почему так разозлился дядька. Потирая ушибленное место, Лад поплелся за ним сквозь толпу. Народ безропотно расступался, пропуская их, и тотчас возвращаясь обратно: видок все еще рассказывал. Ладу если и хотелось послушать, то не сейчас. Сейчас он потирал ушибленное место, обиженно поглядывая на мощную спину дядьки Вана, и едва из толпы они вышли, как буркнул:

– По что рассердился-то? Разве я не прав? Темные боги и колдуны – это грязь. Пусть этот плохого ничего не сделал, но сам замарался и другого замарал. Разве не так?

Дядька развернулся, подхватил его за локоть и затащил за ближайшую палатку, отчего душа Лада отправилась к пяткам. Да что такое?! Что он не так-то сделал?

Дядька повернул его к себе, глядя не ласково.

– Мне напомнить тебе, Лад, кого в Яблоневке колдуном кличут? – в голосе дядьке звучали грозные нотки. – Иль забыл?

– Я не колдун! – Лад сжал кулаки, выпрямился с возмущением глядя на дядьку. – Зачем ты так?! Обо мне только судачат, да небылицы выдумывают, а этот, – Лад кивнул в сторону судилища, – и силу предъявил, и меткой отмечен. Видал же сам белые пряди в волосах.

– Может тебе на твои пряди указать?

Дядька глядел сурово, но возмущение брало верх.

– И что, что волосы белые?! Ты сам говорил, что еще сила нужна, а у меня ее нет и не было! И вылечил я только Михея, да тебя, и, между прочим, заговорами, что ты научил. Даже знахарка признала, что заговоры – это благословение Мокоши, которые к Темным богам отношения не имеют! Так что не надо меня с этим ровнять!

Лад обиженно отвернулся, но дядька беседу сворачивать не спешил. Он скрестил руки на груди и холодно спросил:

– Так значит, по-твоему, если кто-то спас с благословением Мокоши человека – он праведник, а тот, кто исцелил зельями Кощея – нечестивец? Только в чем разница, если они оба вылечили человека?

Лад недовольно уставился на дядьку. Он словно насмеялся над Ладом. Совсем что ли за несмышлениша держал?! Откуда у Кощея зелья? Да и с чего вдруг сейчас дядька решил за колдунов вступиться?

– Во-первых, Кощей никого не лечит и зелий у него нет, только яды, а во-вторых, лечить могут только знахарки и волхвы, все остальные лишь обманывают и калечат. Неизвестно, что станет дальше с этим видоком, а теперь на него из-за этого колдуна ни один светлый заговор не подействует.

Дядька удивленно вскинул брови.

– Кто тебе сказал такую чушь?

– И не чушь это никакая! – Лад аж закашлялся от возмущения. – Так волхв на торжище сказал. От грязи только грязь рождается...

Дядька рявкнул, перебивая:

– Замолчи сейчас же! Вымахал, а ума не нажил! Я столько тебя учил думать головой, но, похоже, так и не научил.

Его гневную речь прервал грохот, кто-то засвистел, закричали люди, и из-за палатки языком серой мути выглянул туман. Дядька быстро развернулся, закрывая собой Лада и обзор. Лад даже удивиться не успел происходящему, как туман вспыхнул колдовским зеленым светом и рассеялся.

Он оторопело прошептал:

– Это что?

Дядька коротко обронил, развязывая ремешок «добрых намерений», которым соединили меч с ножнами на въезде в Желни:

– Жди меня здесь и не высовывайся. – Он ухватил руку Лада, не давая ему развязать свой ремешок. – Не смей! Здесь оставайся, никто тебя не тронет.

Он двинулся к краю палатки, и Лад за ним пошел: очень уж хотелось понять, что происходит. Дядька рыкнул:

– Я тебе что велел?! Совсем слушаться разучился! Не смей идти за мной! А лучше беги на постоялый двор, где наши остановились. И быстрей!

Дядька развернул его и придал ускорение пинком в спину. Лад пробежал несколько шагов, оглянулся: наставника уже не было. Внутри любопытство боролось с повелением дядьки, и первое с перевесом побеждало. Обычно Лад слушался, но сейчас его словно тянул кто-то обратно, и Лад застыл в смятении. Уйти не мог и остаться боязно: столкнется с дядькою и мало ему точно не покажется, но ноги как будто вращались в землю.

Лад мысленно махнул рукой, осторожно выглянул из-за палатки и точно попал в иной мир: по торжищу метались перепуганные люди, кричали, но за палаткой их слышно не было, словно невидимая стена отрезала их. Лад отпрянул, ничего не понимая, но крики теперь долетали и сюда. Или это из-за разговора с дядькой он ничего не слышал?!

Лад снова выглянул. По торжищу стремительно, волной паводка, шел туман. В его плотной завесе тонули палатки, телеги, заволокло серой мутью помост и место, где стоял колдун. Из непроглядной пелены то и дело показывались сражающиеся воины и люди в серо-черных одеяниях. Их лица закрывали повязки, в руках они держали не мечи, а татарские сабли.

Лад пораженно прошептал:

– Не может быть! Люди-мороки!

Клан лихих людей прославился не на одно княжество. Наемники без совести и чести, они жили своей правдой. Ночные тати не признавали Светлых богов и поклонялись Темному богу Мороку, что отвечал за обман и скрывал пути к правде. Какой бог, такие и последователи. Но в воинском искусстве им не было равных – Лад услышал это из бесед мужиков, что приехали из Велера. О серых воинах говорили едва ли не шепотом и высоко ценили их навыки. Воспоминания молнией пронесли, и Лад не на шутку встревожился. Где же дядька? И как его разглядеть в серой мгле? А вдруг ему понадобится помощь?

Едва мысль об этом промелькнула, как туман начал редеть, становиться полупрозрачным. Сквозь него Лад уже отлично видел происходящее: сражались воины, группа людей-мороков быстро уводила колдуна, и остальные не давали страже преследовать его. Так вот из-за чего они напали! Они освобождали колдуна. Видел бы дядька, понял бы, что кричал на Лада зря, нет ничего хуже, чем связаться с этими нелюдями.

Лад взволнованно оглядывался. Да где же дядька? Куда он пошел? Неужто помочь? Но не его это битва, да и людей-мороков на торжище было немеряно. Хоть и силен дядька, но любого, даже самого сильного богатыря, можно взять числом. Звенела сталь, слышались крики, люди падали раненные, но если человека-морока тотчас заменял другой, то стражников было мало, да и сражались они странно: словно слепые махали мечами, отбивая удар противника только в последний момент. Лад не понимал, что происходит. Не могли ж они разом все ослепнуть?! Или это на них так колдовской туман влиял? Вот интересно, что после этого дядька скажет о колдунах?!

И тут его волной тревога накрыла. А вдруг и дядька зрение потерял? Лад забрался на ближайшую телегу, стараясь наставника высмотреть. Неподалеку оборону держали армерийцы. Они, словно ежи иголками, оцетинились оружием, но люди-мороки на них не нападали, лишь приглядывали, не давая прийти другим людям на помощь. Да откуда же их столько-то? И что

за колдун такой, что его освобождают такая куча наемников? Видать силен он, и не для хороших дел понадобился людям-морокам. Что на это теперь дядька скажет?

Часть толпы наемники согнали к загонам со скотиною, часть оттеснили к реке, часть отрезал туман, но Лада пока не заметили, и он тщетно пытался высмотреть дядьку. Бежать, сломя голову в туман – это точно таким же слепым остаться, а отсюда Лад отлично видел все поле боя. Палатка оказалась на пригорке, и до города было от нее недалеко, но бросить дядьку Лад не мог.

Вдруг в серой мгле он заметил знакомый силуэт. Дядька стоял рядом с высокой статной женщиной в богатой вышитой одежде, ее волосы скрывала кика, щедро украшенная жемчугом и камнями. Кто она такая? Княгиня? Не меньше. Мало найдется тех, кто может позволить себе подобную одежду. Лад был уверен – женщина-то красавица, хоть лица ее разглядеть не мог.

Откуда ее знает дядька Ван? А больше всего удивляло то, что вокруг сражались люди, а дядька Ван и эта неизвестная женщина стояли, словно ничего не происходило, и вели беседу. Что за чудеса?!

Но дядьке все же разговор не нравился. Он в чем-то убеждал женщину, похоже, даже злился, с чем-то не соглашаясь, а Лад не знал как и реагировать. Они помешались?! Там бой, там убийцы, а они беседуют как ни в чем не бывало. И почему ни один из воинов или людей-мороков не напал на них? Они там все ослепли, что ли?

Тут дядька развернулся, и Лад буквально кожей почувствовал его взгляд. Он словно сыромятным ремнем снес Лада с телеги: похоже, дядька в помощи не нуждался. И вообще происходило что-то странное. Но разбираться времени не было, дядька за нарушение приказа по головке не погладит, с него станется – наставник может и вожжами за непослушание отходить. Лад бросил последний взгляд на площадь: люди-мороки буквально растворялись в хмари. Их оставалось совсем мало и раненных они забирали с собой. Стража слепо металась, не замечая их. Невероятно! Неужели этот туман и вправду их ослепил?

Но ответ получить было не от кого, а вот нагоняй было от кого. Лад сорвался с места и побежал к постоялому двору, там он быстрее узнает новости. Но наравне с тем, зачем людям-морокам понадобился колдун, хотелось узнать с кем и о чем разговаривал дядька, а главное – почему ни наемники, ни стражники дядьку с его спутницей не тронули? Только Лад искренне сомневался, что дядька даст ему ответ.

Глава 3. Гнев батюшки

Вода разом захватила в ледяные объятия, вырывая из сна. Нутро обожгло нехваткой воздуха, и Словен рванулся, но тщетно. За шею держали крепко, но осторожно, и покалывали кожу знакомые иглы холода. Руку батюшки он узнал сразу же и желание применить в ответ колдовскую силу сгинуло на корню.

Из воды его выдернули, и тотчас волосы облепили лицо, холодные капли полились за шиворот, стекая по спине неприятными струйками. Едва Словен с жадностью сделал вдох, как его сызнава окунули в купель, а после снова выдернули.

– Очухался?

Грозный голос батюшки прошелся жутким скрежетом по ушам и отозвался головной болью. Это ж сколько Словен выпил-то, что каждое слово отзывалось набатом?

Он застонал, хватаясь за виски, и запустив спираль исцеления, но едва боль слегка отступила, как нить заклинания грубо разорвали. Словен хотел было возмутиться, но осекся. Злой Кощей – страшное зрелище: провалы глазниц пылали пекельным огнем. Словен моргнул от удивления, наблюдая за тем, как стремительно меняется облик батюшки. Чем же это он так его довел?

В голове была пустота, ни одного воспоминания и предположения. Да что случилось-то?! Не мог же он, в самом деле, разозлиться из-за того, что Словен напился. Отец снова схватил его за шиворот и потащил к воде.

– Сейчас я тебя быстро исцелю, паршивец ты эдакий! Я тебе велел, как вернешься, домой лететь, а ты куда юти⁵ наострил?!

Словен ухватился за край купели, не давая отцу снова его в воду окунуть.

– Батюшка, да вы меня утопите! И по что вы на меня сердитесь? – и ляпнул, не подумавши: – Словно вы сами время от времени не любите наливочкой побаловаться.

И кто ж его за язык тянул? Батюшка замер на мгновение, а потом уточнил таким страшным шепотом, что мороз не только по коже прошел, но и в душу забрался:

– Что я люблю? Побаловаться?! Я тебе побалуюсь. Ты у меня надолго запомнишь, как приказы отца нарушать.

Словена снова с размахом окунули в купель, в которой плескалась уже ледяная вода. В чувства она вернула его окончательно, а вот память от этого лучше не стала.

– Да как я их нарушил-то? – Словен закашлялся, отплевываясь. – К восточным соседям слетал, за морем побывал, принес вам то, что требовали, я еще и виноват?!

Повторно окунуть он себя не дал, упирался изо всех сил. Вода стремительно покрывалась льдом и очень уж не хотелось о него порезаться. Но у отца другие планы были: он вздернул его на ноги и к себе развернул, выпытывая:

– А после ты куда направился?

Словен замер, тщетно пытаясь припомнить куда же его потом занесло. Помнил, что хотел отнести гостинец Ладе, помнил, как попробовал sake, что ему подарили кицунэ, и все, дальше память отказывалась предъявлять события, лишь смутным образом вырисовывался Ирий, и почему-то анчутка, скачущий по волшебным деревьям. Бред какой-то! Откуда в Ирие нечисти взяться?!

Словен потряс головой и растерянно развел руками.

– Не помню. Отдохнуть, наверное, пошел, – он поморщился, и добавил неуверенно: – может быть. Что-то ничего не вспоминается, видать знатно притомился, выполняя твои задания.

Тут по стенам личных комнат отца побежал иней, задрожали доспехи, и Словену стало не по себе: что-то сильно проняло батюшку, давненько он не видел его таким сердитым. Последний раз такое было, когда Словен спалил кладовую с редкими зельями, но вспоминать об этом до сих пор больно, и что-то подсказывало – неприятности ожидалась не меньшие.

Со стороны послышался скептический хмык: Мстислав стоял неподалеку, опираясь на дубовый стол и скрестив руки на груди. Смотрел он недобро, встревожено. Что случилось-то?! Или это братец отцу пожаловался – все никак ему Перуна простить не может? Да кто б знал, что Ясуни на шутку Словена купятся?! И братца увидеть у Ясуней в гостях Словен тоже не рассчитывал, кто ж знал, что он так не вовремя заявится?!

– О! Братик! А ты откуда? Я тебя не заметил сначала.

⁵ юти – лыжи (др.слав)

Мстислав фыркнул.

– Тяжело заприметить, когда тебя в воду макают, чтобы в чувства привести. – И обратился хмуро к батюшке: – Да не помнит он ничего. Сразу ж по его невинной физиономии все читается.

Батюшка мрачно пообещал:

– А я ему память сейчас подлечу.

Да какого?! Словен шарахнулся от отца, в руках которого появился знатный прут.

– Батюшка! Да за что вы так?! Я, между прочим, из детской рубахи давно уже вырос.

Только кто б его слушал?! Словен, конечно, мог выставить Щиты, и вполне вероятно до появления матушки он бы продержался, но тогда не спасет и она: такого отец не простит. Приходилось рассчитывать на собственную ловкость и изворотливость. Брат не вмешивался, лишь наблюдая, как Словен из трех ударов два обходил, зато третий на нем отыгрывался. Что ж такое он учудить смог, что довел батюшку до белого каления? А главное, что ему хвостатые негодницы в саке подмешали? Ох он им припомнит! Ай! Но сейчас надо было как-то успокоить разъяренного царя Кощея, только на рассекающий воздух прут ни одного заклятье не действовало, а говорить все время переходя на крик – это только еще больше разругаться, но все же он не выдержал.

– Да успокойтесь вы, батюшка! Давайте нормально поговорим! – Тут отец взмахнул рукой – заклятье длинной туманной лентой обхватило голову Словена, проясняя мысли, и он ахнул от первого воспоминания. – Да неужто я к Ладе с поцелуями полез?

– Что?! – вопль раздался на два голоса. Это ж надо было так опростоволоситься, и самого себя с потрохами сдать.

– А ну иди сюда, буслай ты эдакий!

Словен нырнул под стол, выставляя Щит от батюшкиного заклинания – терять было уже нечего, – и принялся лихорадочно выстраивать путь-окно, но отец хорошо его знал и крепко перекрыл все пути отступления. А память преподносила один подарок за другим. Да за эти приключения батюшка не только его выпорет, еще и в темницу на хлеб и воду засадит. В гневе он круче деда и дядьки старшего был. Чернобог поорет, да и успокоится, дядька Василий – Вий в простонародье, – по шее даст, а потом с мечом да с луком загоняет так, что только ползком в свои комнаты возвращаешься. После разговора с разъяренной батюшкой в лучшем случае сосулькой замороженной прстоишь, пока не свалишься или он не сжалится, в худшем... про худшее даже думать не хочется.

Щит рухнул за мгновения.

– Я тебе сейчас покажу, кому с чем лезть! На век заречешься в Ирий шастать! Я всю эту дрянь заморскую в Смородину спущу, а тебя к деду и дядьке отправлю! Вий тебя быстро умуразуму научит! Сюда иди!

А вот это в ближайшие планы Словена ну никак не вписывалось. Пока ему с трудом, но удавалось от заклинаний батюшки закрываться, вызывая на помощь мать. Кроме нее никто не спасет от отца, ибо как избежать наказания, сейчас плохо придумывалось, а из комнаты хода пока не было.

Но Словен не учел Мстислава. Братцу видать надоело, что его в качестве заграждения используют, и туман, что Словен для отступления призвал, стал вязким, превратился в длинные полотнища и обхватил крепкими путами. Словен взвыл, когда до него прут добрался:

– Да больно же!

– Не смей бить мальчика!

Слава Роду! Матушка, спасительница! Туман в миг рассеялся, и Словен рухнул на пол. Ну братик, припомнит он ему это! Ой, припомнит!

Кот Баюн обхватил Словена лапами, помогая подняться и причитая:

– Ах, ты ж наш бедненький, – он потихоньку вливал в него силу исцеления, убирая последствия sake и разговора с отцом.

Но батюшка тотчас приметил и гаркнул:

– Прекратить!

Хвостатого заступника смело за дверь, а ощущения Словену вернулись с лихвой, и он зашипел, чище любимых батюшкиных горных змей, сжимая виски руками. Да лисицы ему теперь по гроб жизни обязаны!

Матушка загородила его собой, перекрывая дорогу отцу.

– Не трогай его! Ему и так плохо, иль не видишь?!

– Мара, не вмешивайся! – на удивление отец отступить не пожелал. – Ты своим заступничеством до безумия его доведешь.

Мама ахнула и всплеснула руками.

– Да что такое говоришь?! И кому? Мне! Матери! Где это видано, чтобы мать родное дитя к безумию привести хотела?!

Ну все! Теперь еще и они поругаются.

– Прекратите!

О! А у братца с чего голос-то прорезался? Такого еще не бывало, чтобы Мстислав указывал родителям, что им делать.

Мать потрясенно уставилась на старшего сына, и отец смотрел на него с удивлением. Братец отошел от стола, становясь перед матерью:

– Прав отец. Сами смотрите.

Он развернул перед ними плат с вышивкой, которая пошла рябью, закрутились строчки и, словно на волшебном блюдечке, поплыли недавние события. Словен и сам от себя не ожидал то, что увидел, а последние слова Сварога заставили поморщиться. Значит батюшка не из-за виры на него выверился. Словен раздраженно покосился на старшего брата. И зачем им это показывать?! И отца он зря потревожил. Проспался бы Словен, сам бы и виру заплатил, и с проблемами разобрался. Знал он прекрасно, что Старшие Боги не горели желанием ему вотчину давать, только отказаться от его помощи тоже не могли. Поэтому сторговался бы! Никуда бы они не делись.

Но у родителей другое видно было мнение.

– Ах, ты ж, негодник!

Подзатыльник прилетел теперь от матушки. Да что ж за день-то такой?!

– Ах, ты ж горюшко мое!

Словен прикрылся руками, готовясь к очередной оплеухе, но вместо этого матушка обхватила его и заплакала, падая рядом на пол.

– Что же делать-то?!

Началось! В такие минуты Словен точно знал в кого старшие сестрички, Желя с Обидой и Карной, уродились. Да не помер он еще! И с ума не сошел! Не надо его хоронить раньше времени. Сейчас еще отец начнет выговаривать... Как же сбежать отсюда-то хочется!

Батюшка присел на корточки рядом с ними, прошелся теплой волной по волосам и одежде Словена, и стукнул его по лбу легонько.

– Глупый мальчишка. Какой ты взрослый? Пару годков как из детской рубахи выскочил, так и взрослым считаешься, что ль? Ты угрозы Сварога шуткой-то не воспринимай, и заступничество Лады не поможет.

Мстислав сжал кулаки, срываясь:

– Хватит его мальчишкой называть! И что с того, что он младенец по сравнению с остальными! Этот младенец Старшим Богам дерзит, а вы с ним носитесь. Лада «вашим мальчиком», как потешкой, играет, и эти игрища только ему боком выйдут. Не дадут они тебе вотчину, тут

и к вещунье не ходи. И Гамаюн слушать перестань. Думаешь любимица Сварогова тебе правду скажет? Не бывать этому. Она поперек него слово не вымолвит.

Матушка всхлипнула, глядя Словена по волосам.

– Что же делать-то?! Светик мой маленький.

Мстислав раздраженно огрызнулся:

– Да прекратите вы, матушка. Какой он маленький?! Скоро порог для Слуги Богов перейдет, а вы все маленький!

Матушка зарыдала.

– Да что ж такое-то?! Где это видано, чтобы в таком нежном возрасте порог Слуги переходить!

Словен со Мстиславом возмутились разом:

– Мама!

Хоть в чем-то Словен был с братом согласен, но не все выглядело так, как рисовал Мстислав. Словен усмехнулся, насмешливо глядя на брата.

– Слуги Богов, говоришь. А не для себя ли, братец, ты такого Слугу получить хочешь? Поди выгодно в личных помощниках займешь Слугу, что правду читать умеет?

Мстислав смутной тенью вырос рядом с ним, но брат не родители, не позволил ему Словен до себя дотронуться, ушел темной лентой. Что, братец, правда-то не нравится.

Отец подхватил плачущую матушку, поднял ее с пола, прижал к себе и хмуро заметил:

– Прекрати, Словен. Дело Мстислав говорит. Не веди себя, как мальчишка, головой думай, а не гордостью.

Брат смотрел зло прищурившись.

– Дурак ты, братик. Думаешь, если я не Старший Бог, то ко мне в Слуги зазорно пойти? Или, по твоему мнению, я так над тобой возвыситься хочу? Так я уже возвысился и меня все устраивает.

Злость волной поднялась изнутри. Возвысился?! На чужих слезах да горе близких?! Словен ядовито спросил:

– Только какой ценой? Совесть не мучает? То-то ты к тетке даже носа не показываешь. Решил отказаться? Перевести, так сказать, отношения в деловые и забыть и о сестрице, и о племяннике, который незнамо, где находится!

Отец оборвал его:

– Прекрати! Не смей оскорблять брата!

Мама вперед шагнула и ласково вымолвила:

– Ты не прав, соловушка. Мстислав никогда так не сделает. То Судьба коварная, и незнамо как все и выправить. Так что нет вины братца твоего в том, солнышко.

Мстислав стукнул по столу кулаком, и сверкнул злым взглядом.

– Думай, что хочешь! Надоело мне оправдываться! В равной степени тогда и тебя обвинить надобно!

Словен подскочил на ноги и произнес с вызовом:

– А я с себя вины-то не снимал!

Снова черная тень полосой растянулась, рядом со Словеном в фигуру собралась. Схватил Мстислав за полы кафтана Словена, встряхнул, с отчаянием ему в глаза заглядывая.

– Да кто ж ее-то на тебя повесил?! Дурак ты эдакий! Ты уже себя извел, да нас всех мучаешь. Думаешь тетке от этого легче?! Или Дане?

Словен отодрал его руки от себя, оттолкнул и сам отшагнул: вот не верил он надрыву старшего брата.

– Да вы ж сами меня останавливаете! Не разрешаете найти мальчика, узнать, как сестре разум вернуть. Ты ж первый кричишь: не смей лезть туда, куда Старшие идти не позволили.

Мстислав замер, пристально в него вглядываясь, склонил голову набок и прищурился, словно что-то хотел в нем увидеть.

– Ты Сварогу мстишь так за запрет, что ли?! Ты поэтому Ладу обхаживаешь? – Брат нахмурился. – И думать забудь! Ничего у тебя не выйдет, не подпустят Старшие к этой тайне.

Словен обомлел. Это что же получается? Братцу-то все известно оказывается. Он схватил его за руку, развернул к себе.

– Так ты знаешь из-за чего Дана в таком состоянии?

Невольно в голосе зазвучало отчаяние – устал Словен уже себя есть. Сколько раз корил, что не отобрал у уток грамотку, что слепо согласился поручение брата выполнить, но кто же знал, что оно такой бедой для всех обернется. Он сжал руку брата.

– Что произошло тогда? Ответь!

Мстислав мрачно посмотрел на него, задержал взгляд на мгновение, а потом глаза отвел и глухо произнес:

– Только часть правды и знаю. Ведь я сам Дану из Междумирья привел. Но запрещено мне на эту тему беседы вести. Ты у нас правду чувствуешь. Вру я, по-твоему?

Словен прислушался: в словах брата вранья не было, недомолвка лишь, но гармония не складывалась. Словен отличал правду от лжи по тому, как звучала речь: чем слаженней мелодия, тем больше правды и искренности, насквозь фальшивая мелодия – ложь абсолютная.

Он хмуρο вымолвил:

– Нет. Не врешь, но и правды всей недоговариваешь. Из возможной.

Брат зыркнул на него, руку выдернул, не скрывая раздражения.

– Ты думай обо мне, что хочешь. Но мне брата родного живым и в своем уме видеть хочется. Хоть и считает он меня хуже нечисти.

Мелодия слов обернулась кваканьем – и пойми, в чем именно соврал: в том, что о нем беспокоится, или о том, что Словен его хуже нечисти считает. Он ничего не считал, но это была его правда, правда брата могла быть на его непохожей, но от этого не менее верной.

Мстислав громко хлопнул дверью, а батюшка укоризненно покачал головой.

– Не прав ты, Словен. Мстислав не подарок, и характер у него не сахарный, но и ты для него не чужой.

А вот батюшка искренне верил в то, что говорил. Словен горько усмехнулся.

– А когда я у вас, батюшка, прав был? Только и слышу: не прав да не прав.

Это для отца и матери Мстислав не изменился. Но едва брат вотчину получил, как в его речах Словен ни разу полной правды не слышал, даже по пустячному поводу. Это родители уверены, что Мстислав спасает брата, но Словен-то знал, что брат укрепляет свои позиции. Он путает пути к Правде, а если получит Слугу, что отличает Правду от Лжи, так вознесется едва ли не в Старшие Боги. С ним тогда и Сварогу, и Перуну считаться придется, как и деду – Чернобогу. Кстати, пора бы к дедушке наведаться, а то красиво обещать он умеет – Словен в него этим пошел, – а вот с выполнением загвоздочка. Батюшка гнев выплеснул, теперь можно и уходить, тем более Мстислав-то дверь распечатал.

– Ты куда направился? – голос отца звучал устало, но грозности не растерял.

Словен не сдержал вздох. И отчего же с ними так сложно-то?! Дел, конечно, он наворотил сегодня, не расхлебаешься, но ему до смерти надоело, что его всерьез не воспринимают. Не важно, как Словен ведет себя, он уже вырос и в силах сам разобраться с последствиями. Или не разобраться. Не каждые последствия требуют разбирательств. Недовольство выплеснулось резкими словами:

– Ну вы ж сами меня хотели к деду с дядькой отправить на перевоспитание. Так я сам к ним пойду, не дожидаясь, когда меня выгонят.

Родители возмутились в один голос:

– Ты что такое городишь?!

– Правду, батюшка. Вы ж и сами знаете, что соврать у меня не получится! – Словен улыбнулся с горечью.

Матушка шагнула к нему, высвобождаясь из рук мужа.

– Словенушка, не обижайся на батюшку. Он же о тебе волнуется, да и вспыльчивый дюже, а так отец тебя любит.

Словен с размахом поклонился родителям и, молча, развернулся, хлопнул дверью, сразу перемещаясь тeneвым путем в зал Змея Горыныча. На удивление останавливать его не стали. Вот и ладушки, потому что возможно и прав отец, только обидел он его знатно. Надоело все. Как и опека братика.

В зале не стал Словен птичкой оборачиваться, встал на край окна, свистнул по-богатырски и с ближайшей скалы сорвался конь, прыгнул к самому небу. Словен же выждал мгновение и шагнул в пропасть, когда Венок почти к окну подлетел, ухватился за луку, взлетел по-татарски в седло, а конь от широкого парапета оттолкнулся и приземлился прямо перед замковым мостом на краю пропасти.

– Куда путь держим?

– К деду наведемся, задолжал он мне услугу-то, – Словен поморщился, устраиваясь в седле поудобнее.

Венок сорвался в галоп, прокладывая себе путь в заколдованном лесу. Черные скелеты деревьев зашевелились, заволновались, стон пошел по лесу, видать дедушка гостей не ждал, но Словен при желании был очень настойчивым. Не в дверь, так в окно, а ежели не в окно, так через трубу проберется.

Конь повернул голову, хитро косясь черным глазом с золотой искрой зрачка.

– Что-то вы, хозяин, смурной совсем, и в седле все не усядетесь. Неужто с батюшкой опять повздорили?

Ой, провидец! Вещун доморощенный. Сплетни в замке Коцея среди челяди подобно сушняку мгновенно разгораются. Не успели они с батюшкой поговорить, как все уже знают о чем речь была.

– Не твоего ума дело, и прекрати язвить!

– Да ни в жизнь! Когда б я такое делал-то?! – голос чудо-коня звучал наигранно, двусмысленно: с одной стороны, он Словена всегда поддерживал, а с другой, куда ж без шпильки-то?

Словен процедил, к перепалке сейчас совсем не предрасположенный:

– Ты забыл, что я ложь чувствую?

Венок быстро оценил его настроение и ответил уже без иронии:

– Понял. Был не прав. Хотел поддержать.

Быстрее бы пересечь границу царства деда, тогда Словен и сам себя поддержит, сейчас ведь заклятья не используешь: добрый батюшка для науки, чтоб впредь неповадно было пить в Ирие, замок-то поставил, и на землях отца его не снять.

– Ты лучше меня без приключений к деду доставь. Надоело к нему, словно анчутка, грязным навеваться.

Венок фыркнул так, что черный дым из ноздрей пошел.

– Да я-то что?! То ваш дядя дружину гоняет, а нас с мишенью путают, то ваш дедушка в плохом настроении и в ближайших болотах порядок наводит. Я и так, как пес охотничий, безопасный путь выискиваю, а вы мне все пеняете.

– Ладно уж. Не бурчи.

Не успел Словен договорить, как лес ожил, поползли деревья на дорогу, перекрывая путь, нечисть завывала, напуская колдовского тумана.

– Ах вот как значит!

Впереди выросла стена из камней, и Венок встал на дыбы, избегая столкновения. Словен встал на стремянах, запрыгнул на седло, а потом оттолкнулся, вверх взлетел и обратился

малой пташкой соловушкой, и высь взмыл. Врешь, не проймешь! Ну дед! Как обещать, так пожалуйста, а как выполнять, так в кусты?! Не бывать этому!

Глава 4. Загадки

Огненный ветер дыхнул навстречу, распахнул жаркие объятия – неуютно было в небе Пекельного царства. На многие версты простиралась каменная пустыня. Скелетник полз по булыжникам, переливаясь в свете Черного солнца красными отблесками. Позвонки опасного растения изгибались, поднимали лианы и тянули вверх, стремясь поймать живое существо

Словен ускорился, затрепетали крылышки, черный соловей – диво-дивное – неся, подобно звезде, лучи испускающей. Не дай Темное небо попасть в эти силки. Пока найдешь заклинание, каждый раз новое, пока высвободишься, если получится, времени уйму потеряешь. Словен, конечно, мог спалить заросли, недолго думая, но потом выслушивать нотации от дядьки Василия очень уж не хотелось. Дядька Вий становился зануднее Мстислава, когда рассказывал, как правильно себя вести. Очень уж он любил объяснять и рассуждать, и только в гневе разом прекращал разглагольствовать и на расправу скорым был.

Словен нырнул вниз, обходя очередной хлыст ветра, что промелькнул пыльным всполохом – все говорило о том, что деду не очень-то разговаривать хочется. Чернобог отличался упрямым нравом, но Словен ни на пядь ему в этом не уступал. Недаром вся родня твердила, что он в деда пошел характером.

На горизонте появился серый пик костяного замка: любил дед впечатление произвести. Все стены обители дедушки были выложены из костей, черепа украшали шпильки, скелеты поддерживали перемычки и арки, подъемный мост надо рвом с огненной рекой сотворили из останков дракона. Дед любил пенять младшему сыну Змею Горынычу, мол, не доведут тебя бабы до добра, так же закончишь. Только кто б его слушался.

Словен что было мочи разогнался, пустил вперед себя роем пчел заклинание Разрыва, проскочил защиту дедушкиного замка и ворвался в открытое окно личных комнат Чернобога, о пол ударился и снова колдуном-человеком стал.

– Дед! А, дед! Внучок пришел! Так соскучился, что аж слезы наворачиваются. – Любимая комната дедушки, в которой он работать предпочитал, оказалась пустой, и Словен дальше пошел. – Дед! От меня не спрячешься!

Он обогнул дубовый стол, заваленный свитками, на резной скамье заметил витой посох с огромным адамантом в навершии – значит, точно дед в замке. Словен толкнул тяжелые резные двери, переходя в комнату, в которой Чернобог отдыхать предпочитал. Из ее окна открывался вид на лесное озеро. Чудные пуши с лохматыми деревьями небесного цвета и зеленой водой, словно заклинанием, притягивали деда к себе, и недаром: в них жила неземной красоты девица, на нее дед и любовался время от времени, глядячи задумчиво. А на все вопросы Словена лишь отнекивался: мол, девица-красавица – услада для глаз.

И сейчас перед окном, весь укутанный в меха, в кресле сидел старец. Слепые бельмы щурились, сияясь разглядеть Словена, тонкие сухие руки тряслись, хоть и лежали на подлокот-

никах, голова мелко подрагивала. Старость тянула его к полу, согнули спину прожитые века. Словен аж фыркнул от увиденного.

– Ах, вот значит как! – Он остановился, раздраженно разглядывая старца. – Вот так?! Ну ладно. Тогда не перекинуться ли мне в облик бабушки. Давненько я ее не видывал. Она, как только свой образ почует, вмиг здесь окажется.

Старец в момент разогнулся и взмахнул руками всполошенно.

– А вот этого нам не надобно! Вот и пошутить нельзя, право слово! – В кресле у окна появился статный мужчина чуть старше Кощея по облику, в кафтане из золотой парчи заморской, и покачал головой укоризненно: – Это ты в мать свою злопамятный. Говорил я Драговиту на Маре не жениться, не послушался! Вот! Вот откуда дурная кровь-то и берется!

Смотрел Чернобог грозно, только знал Словен деда, как свои пять пальцев, и видел, как в глубине черных глаз горят смешинки.

А вот слова про маму Словену не понравились. Он нахмурился:

– Не зарывайся, дед. Маму не трожь!

– Ты как это со старшими разговариваешь?!

Ледяной ветер прошелся по комнате, захлопали ставни и двери комнат, взлетели занавеси. Тьма плащом расплзлась за дедом, придавливая своей мощью. Дед повысил голос:

– Ветром помотало, и в голове все спуталось? Вот как добавлю к тому, что батюшка отвесил, мало не покажется.

Но Словен и не думал страшиться его сурового вида, а тем паче слов. Он отпустил свою тьму, что с рождения сдерживал, распахнул ее крыльями за спиной, и тоже повысил голос:

– А кто тому виной?!

Они посверлили друг друга взглядами, и дед первым на попятный пошел.

– С чего это?!

– А с того! Мало того, что маму обижаешь, так еще и слово не держишь.

Дед хмыкнул, его образ пошел рябью, и перед Словеном предстал его привычный дед: умудренный опытом воин, в черных волосах белые пряди, борода короткая и окладистая, заостренные черты лица, которые его совсем не портили (дедушка пользовался женским вниманием ничуть не меньше Словена), и хитрая улыбка загадочная. И пусть размахом плеч Чернобог со Сварогом сравниться не мог, но Словен по себе знал, что дед ни на пядь не уступит Сварогу в силе.

Кресло деда плавно подъехало к столу, взлетела скатерть-самобранка, и стол уставили яства, три кубка расположились треугольником. Второе кресло мягко толкнуло Словена под колени, предлагая присесть, но он остался на ногах: разговор-то еще не закончился, он еще и начаться толком не успел, а с полным ртом особо не поговоришь. Дед все равно поесть заставит: хочешь не хочешь, а покушаешь. Только матушка хуже деда в этом: дай ей волю, закормит. И дед туда же!

Чернобог хмыкнул насмешливо, поставил локти на стол и на руки голову положил.

– Ну давай! Рассказывай, что тебя мучает, раз есть не хочешь.

– А то ты не знаешь! – Словен оперся кулаками о стол, хмуро глядя на дедушку. – Кто обещался мне вотчину дать? Кто обещал Сварога переубедить? А в результате что?

– А в результате что? – Дед откинулся на спинку кресла, насмешливо его разглядывая. – Это я, по-твоему, учудил погром в Ирие?!

– Что за крики на весь дом?

В дверях появился старшой дядька, и сразу в горнице стало мало места. Словен рядом с ним смотрелся щуплым отроком. Воевода Пекельного царства, правая рука дедушки Чернобога, в силе и мощи обходил почти всех богатырей Ясуней, а в смекалке и мудрости ничем Чернобогу не уступал.

– Чему возмущаешься, малой? Знатного ты шороха навел в Ирие сегодня: по всем трем мирам сплетни гуляют, одна-другой невероятней, – и неожиданно обратился к деду с укором: – Это все ты виноват, отец.

– Это я-то каким боком к этому? – Чернобог удивленно посмотрел на сына.

– А таким! – Дядька облапил Словена, ободряюще по спине похлопал и усадил на кресло, снимая замок брата среднего, отца Словена, и запуская спираль исцеления.

Словен при всем своем желании остаться бы на ногах не смог: руки дядьки, как кувалды неподъемные, чуть сожмет ладонь на плече – и перелом ключицы обеспечен. Дядька поставил перед Словеном кубок и налил сок березовый.

– Пей, негодник. Приходи в себя. А тебе, батюшка, вместе с ним не пить надо было, а научить его пить не пьянея.

– А я что, по-твоему, делал?! – Чернобог искренне возмутился. – Знаешь сколько мы добра перевели, пока он науку не усвоил!

– Не знаю, что вы там перевели, но Словен гульнул в Ирие с размахом. Они его там надолго запомнят. – Дядька налил вишняка деду и себе, а потом за стол уселся.

– Это да, – Чернобог довольно усмехнулся, крутя в руках полный кубок. – Весь в меня. Гуляет так, чтоб запомнили.

Вот тож. Запомнили они его точно. Словен потянулся к кувшину с вишняком, но тот плавно отъехал к дядьке, и Василий мягко произнес:

– Ты пей сок-то, малой, пей. Из тебя гадость эта заморская до сих пор не вся вышла. Надо будет попенять Драговиту за то, что плохо кровь тебе очистил.

– А вот это не надобно! – повторил Словен недавние слова деда. – Отец меня уже сегодня так почистил, что больше не хочется.

Дядька улыбнулся недобро.

– А вот это как сказать. Отец твой уже со мной говорил. Ты ж всю семью взбаламутил, негодник. Уже и сестра моя, и брат меньшей – все беспокоятся, что там с мальчиком.

Словен со стоном уронил голову на стол.

– Да задрали вы меня уже этим «мальчиком». – Он выпрямился, с возмущением оглядывая родичей. – Сколько можно-то?! Я вотчину получить хочу! Мстислав Мороком стал, Желя с Карной тоже при вотчинах, а я, как ворона белая! По вашим же поручениям мотаюсь, как проклятый, – Словен ткнул пальцем в деда, – а от тебя только пустые обещания о помощи. – Тут на ум слова брата пришли, и Словен посерьезнел. – И еще одно. Оказывается, Мстислав знает, почему Дана в таком состоянии, только молчит.

Тут от деда повеяло жутью пекельной. Он выпрямился и сурово произнес, растеряв в миг всю свою насмешливость:

– Правильно делает, что молчит. Не лезь в это дело, Словен.

Словен подскочил возмущенно, по столу кулаком стукнул.

– Да как мне не лезть-то, когда я сам во всем этом поучаствовал! Как слепого кутенка, использовали, значит, потискали, да и выкинули. Так что ли?!

– Охолопись! – дядька так опустил руку на стол, что кубки подпрыгнули. – Не ори здесь, чай не на торжище.

Словен произнес с горячностью:

– Вот ты, дядька. Во всем правильный, сам рассуди. Разве правильно, что сестра моя, твоя племянница, а твоя внучка, – Словен снова в деда пальцем указал, – так мучается? И ребенок неизвестно где находится. Дана все глаза за сыном выплакала, ослепла полностью, уже мать не узнает, а вы мне – охолопись и не лезь?! Меня совесть мучает, а вам безразлично все? Ладно ты, дед, на тетку зол, но Дана-то причем?

Чернобог хмуро приказал:

– Замолчи, Словен. Не трави мою душу, и так тошно.

– Ладно. Не прав. Но не надо меня Ладой попрекать, я вообще не помню, что делал, – и прошипел сквозь зубы: – Уж я поговорю с лисичками, что за дрянь они в саке подлили.

Чернобог хитро улыбнулся, склоняя голову набок, совсем как Словен любил делать:

– А они знали, что это для Лады подарочек?

– Знали.

Подвох в словах деда он понял сразу. И что он сам-то об этом не подумал?! Решил, что поцапался с Юкоми-химэ, и она захотела ему отомстить, но нет. Тут явно подарок с подвохом. Вдобавок Лада отвела от себя и Деваны последствия, но ему ни слова не сказала. Хотела проверить с умыслом он или нет подарок придарил? И главное: она изначально знала, что подарочек с подвохом, или в процессе выяснила? Не могла она об этом Сварогу не сказать. Или не сказала? Внутри словно кошки заскребли от таких мыслей.

Неужели прав Морок, и она просто с ним позабавилась? Как с потешкой! Но зачем? Он же никогда неуважения не проявлял. Непохоже это было на Ладу. Или это Сварог специально все так повернул, чтобы лишить Словена вотчины? И Ладу заставил. Ох нечистое дело было, и сестрички-кицунэ в этом точно замешаны. Вот они и ответ дадут, когда он к ним в следующий раз появится, а как спросить Словен точно знает.

Из раздумий его выдернул голос деда.

– А Ладу тоже так проняло?

– Не проняло. Только я, похоже, и напился, – с досадой протянул Словен. Как мальчишка в ловушку попал!

И все-таки Лада сразу подвох в напитке почувяла, то-то она смотрела насмешливо. А он, как дурень последний, к ней целоваться полез, чтобы выразить свое восхищение. Хорошо хоть вовремя остановился, едва она нахмурилась. А вот потом провал полный, только по рассказам других Словен картинку и складывал, только в чем уверен он был полностью, так это в том, что не было у него плохого умысла. Видать, и Сварог знал, что с напитком не все ладно, он тоже суть вещей видит. В общем, отыгрался на нем каждый по-своему. А он – дурак наивный.

Но, похоже, не тем обернулось для Сварога опьянение Словена. А Морок знал или вовремя сориентировался и решил свою выгоду получить? Матушку все знают, как облупленную, и знают, что она на выручку к Словену пошлет не Кошея, который зелья за версту чует, а Морока, что с Ясунями дружбу водит – это дураку понятно. Ой похоже братец тоже свою руку приложил! Ему, чтобы повернуть ситуацию в свою сторону, и знать не обязательно-то все и обо всех, просто использовать удачный момент, а это он хорошо умеет. Вот оно и фальшивое-то звучание. Теперь понятно, почему правда полуправдой слышались. Осталось Сварогу с Ладой вопрос задать, но в отличие от братца они могут и не ответить.

– Вот значит как! – Обидело такое отношение Словена, зацепило за живое. Ладно Сварог, у того задача – силу Дасуней под контролем держать, ладно братец – он во всем выгоду ищет, даже в беде брата младшего. Но Лада... Не ожидал Словен от красавицы богини такого отношения. Или он ее обидел и не заметил? Что случилось-то? Ведь Лада всегда к нему хорошо относилась. Что ж изменилось?!

Словен зло произнес:

– Ну выполню я вам теперь просьбы. И заверителем правды тоже пойду. Так заверю, что мне точно понравится.

– Эй! Ты себе там ничего не надумывай! – дед непривычно серьезно остановил его, пощипал губу, а потом один глаз прищурил по-хитрому, и кивнул: – Это можно против Сварога использовать. Знаю я, как исправить положение. Я отправлю тебя к Одину. Он артефакт для Сварога делает – надо проверить так ли выполнил. Проверишь, забереешь, привезешь, и за это можно будет вотчину потребовать. Артефакт значимый, а кроме тебя его проверить некому. Не там, так здесь Сварог тебя все равно бы вызвал.

Словен тяжело вздохнул.

– Последний раз я тебя, дед, слушаю, – и решительно подытожил: – Но в Велер постараюсь сам попасть. В отличие от тебя я могу там до вечерней зорьки быть. Сам попробую узнать насчет мальчика. Надо только придумать, как Всеслава выманить и на Свята не нарваться.

– А Чара-вещунья тебе на что? – Дядька Вий до этого момента спокойно слушал, а сейчас отложил ломоть хлеба в сторону и сделал глоток из кубка, горло прочищая. – Ты ж с ней дружбу водишь, вот и попроси помощи.

– И то правда. – Словен призадумался.

Чару-вещунью уважали все: и боги, и люди, за советом шли, за гаданием, и Всеслав к ней захаживал. Может и не надо его выманивать, пусть себе в палатах своих сидит. Надо просто Чару расспросить, можно и погадать, если она согласится. Она все варианты будущего видела, не хуже Гамаюн и Мокоши, правда, если они ей открывались. Значит решено! В Велер отправится.

Словен решительно поднялся, хлопнул руками по столу.

– Дед, смотри! Я твоим словам верю.

Поклонился он, как старшим кланяться велено: в пояс, уважительно, вышел в соседнюю комнату, о пол ударился и черным соловьем вылетел из горницы. Теперь-то ветра пекельные не помешали ему добраться до границы с батюшкиным царством. Там Словен путь-окно открыл напрямик в царство тетушки Яги, а из него в Явь – в лес, что разделял Велесовы пущи с миром людей. Свистнул Словен по-богатырски, и Венок тотчас рядом оказался – вмиг домчал до Велера.

Под покровом Полога невидимости прошел Словен мимо стражи в высокие дубовые ворота, обитые железом. Зацокали копыта Венка по доскам: богат был Велер, поверх горбылей устилал дороги деревянными досками, и чем ближе к княжеским палатам и главной площади, тем чище становилось вокруг, ибо мели улицы, за порядком следили.

Город тянулся до самой реки с ее шумной пристанью. Столица славилась богатым торжищем, приезжали на него купцы заморские. Щедр была река Велера, впадала она в море широкое, и торговали здесь рыбкой, и другой живностью. На торжище на любой вкус вольные охотники предлагали пушнину: дарили ее леса, что Велер окружали, да Велесова пуща тоже не жадничала. Да приток реки, что из них шел, делился золотом, и умельцы, что украшения из него делали, славились во многих княжествах.

От души наградила Велер матушка Земля, только вот с князем ему не повезло. Старшой сын старого князя пропал без вести – выехал на охоту и не вернулся, – средний сын от второй жены сел на резной трон против слова батюшки, супротив его заветов и наставлений. И мирились бояре с этим самоуправством только потому, что Степан Шалович – воевода бывший, друг князя старого, – недовольство сдерживал по неведомым причинам.

Словен же ненавидел Всеслава лютой ненавистью. И было за что: за сестрицу двоюродную любимую и за племянника, что сгинул вот уже двенадцать весен как, и закрыт был мальчик от взора божественного полностью. Сколько ни бился Словен причину выведать – не удалось. Жив ли, мертв ли – никто не ведал, а если Мара его в мир смерти не увела, значит укрыли мальчика с каким-то умыслом. Знать бы еще, с каким да кто такой выискался. А главное – почему Словена так усердно от поисков отговаривали мать с отцом, да братец с дедом. Что за тайну они скрывают?

Словен свернул вправо, прошелся по рядам, в которых торговали пирогами с такими запахами и начинками, что в животе заурчало, хоть Словен голодным и не был. Вместе с выпечкой предлагали леденцы на палочках, яблоки да груши с наливными боками, сладости заморские – бархатные на ощупь, да дюже приторные, – и каленые орехи. Словен не удержался и купил одну булочку. Пришлось делиться с Венком, иначе он не хотел с места трогаться. Дворовые мальчишки вдоволь потешились, наблюдая за препирательствами Словена и его коня: один ругался, а другой стоял на месте, пока Словен не отдал ему половину булочки.

У самой крепостной стены Словен повернул в неприметный переулочек, куда люди добрые по своей воле не хаживали. У третьих ворот с правой стороны остановился, постучал условным знаком и без страха оставил Венку у привязи. Бояться можно было только за воров: конь никому до себя дотронуться не даст.

Глухо стукнул засов, распахнулась калитка, и по дощатому настилу Словен дошел до крыльца, на котором его уже ждала вещунья Чара – женщина средних лет, не худая, но и не толстая, невысокая, но и не низкая, неприметная: вроде видел, а запомнить не смог. Лучшая чаровница на все княжества возраста не имела, ее и человеком назвать-то было нельзя: из перволюдей брала корни, а своим даром заслужила едва ли не бессмертие. Ее уважали даже боги, но никто не смог сманить на свою сторону – не вашим, не нашим, а себе одной, по только ей понятным правилам. Словен об этом не заморачивался. Нрав веселый да легкое ко всему отношение – лучшие критерии для приятельства.

– Ой, какие люди или нелюди к нам пожаловали! Тебя как-то величать, парнишка? Человек ты иль нелюдь?

– Отстань! – Словен небрежно отмахнулся, и они крепко обнялись. – Я и не человек, и не нелюдь. Боги мы! – он небрежно откинул челку со лба и посмотрел на женщину свысока.

Чара расхохоталась.

– Это ты-то?! Ты у нас не бог, а одно название. Половиночка.

– Обидеть хочешь? – Словен прищурился, и Чара пошла на попятную.

– Оно мне надо?! – И уже серьезно спросила: – Как ты? О твоих подвигах в Ирие какие только сплетни не ходят. Что случилось-то? И какого ты Сварога решил подергать за бороду?

Словен буркнул, глядя в сторону:

– Если б это я решил, а тут за меня порешали.

– Э-эх! – посверлила его Чара взглядом серых глаз, и кивнула на дверь. – Заходи, горе луковое. Опять во что-то вляпался!

Она толкнула дверь, открывая и приглашая в избу. Без ее позволения он на крыльцо бы не поднялся: ее сила от самого Рода шла, и даже Сварог ждал разрешения.

Словен недовольно произнес, следуя за ней в чистые сени:

– Ну почему сразу вляпался?! Так сложились обстоятельства.

Чара фыркнула насмешливо:

– Ага! А сложились они так, что ты вляпался.

В избе было светло и уютно, весь дом пропах целебными травами, туесочки с ними стояли повсюду, даже под лавкой. Чистые занавески, вышитые петушками и охранными знаками, прикрывали окна. На печи стоял чугунок с наваристой кашей, а на лавке клубочком свернулся пушистый кот. Чара на лавку у стола села, уставилась на него испытующе.

Словен вздохнул и неожиданно для себя сдался, признаваясь:

– Вляпался. Опоили меня чем-то и зачем-то.

– Помочь?

Чара смотрела так, словно испытывала. Не предлагала вещунья ничего просто так.

– Только сразу скажу, за ответ придется отдариваться серьезно, и вопрос на сегодня только один будет.

Словен посмотрел на нее задумчиво и головой покачал. Конечно хотелось узнать, что за игры вокруг него крутятся, но важнее сейчас другое было.

– Нет. Ты мне лучше с другим помоги. Мне позарез как нужно найти племянника. – Словен помрачнел и глухо продолжил: – Сестра совсем плоха стала и совесть мне покоя не дает. Надоело мне ждать с моря погоды и верить обещаниям родичей. Не могу я так больше.

Чара снова посмотрела на него внимательно, вздохнула и взяла со стола холщовый мешочек, а из него достала камушки и, не глядя, бросила на вышитую скатерку. Словен удивился.

– Ты чего это рунами решила воспользоваться?

Она ехидно на него покосилась.

– А ты хочешь, чтобы Сварог или сестра его, Мокошь, о твоих вопросах проведали?

– Молчу-молчу. Тебе лучше знать, – Словен руки вверх поднял, словно вор, застигнутый на преступлении.

Чара вытащила еще три руны, закрыла глаза и встала, потянула носом, словно собака охотничья, повернулась вокруг своей оси, и уверенно произнесла:

– Иди в корчму дядьки Бартника, там ты ниточку отыщешь. Если правильно потянешь, то и мальчика найдешь.

Ох и не любил Словен это место, вечно у него там драки приключались. Он вздохнул и покачал головой с досадой.

– Вот не могла ты меня в другое какое место отправить. Вечно, как приду, так кто-то норовит выставить.

Чара хихикнула, споро пряча руны в мешочек.

– Ну так ты у нас на личико совсем молоденький, вот они тебя и учат уму-разуму. Хотя, если подумать, ты молоденький и есть.

– Ну очень смешно. Прямо обхохочешься. И помоложе есть.

И эта туда же! Надоели со своим «молоденьким».

Чара, заметив его недовольство, решила подсластить ситуацию.

– Но по красивей нет. Вот люди и завидуют.

– Завидуйте молча, и нечего руки распускать, – фыркнул Словен, но приятное слово медом по душе растеклось, и чтоб не показать, что слова понравились, он буркнул: – Сами же потом к знахарям бегут.

Чара усмехнулась, кивнула и махнула на него полотенцем:

– Иди уже. Неча расслаживаться, или твоя ниточка скоро уйдет и придется тебе за ней знатно побегать. И учти, там сделают тебе предложение – оно не по душе будет, – но ты не отказывайся. За одну ниточку потянешь, сразу два узелка распустятся. – И замахала на него руками, не давая рта раскрыть, чтобы уточнить. – Иди, шалопай.

Попрощавшись, Словен подхватил под уздцы Венка и направился к корчевне. С виду приличное заведение, только любили в нем тати ночные дела решать. Что ж за ниточка там обнаружится? И о каких узелках речь идет? Вот любит Чара голову морочить. Но больше всего Словена тревожило, не попал ли сынок Даны в плохие руки? Все ли с ним ладно?

Глава 5. Корчма

В тревогах и в мыслях Словен на дорогу даже не смотрел – Венок знал, куда хозяину надобно, и неспешно трусил в нужную сторону. Гниловская слобода располагалась у реки и слыла самым опасным местом Велера. Здесь селились те, кто приехал из чужих земель и богатством похвастаться не мог – не голытьба, но и не зажиточные. Большинство из ее жителей наемничали, лишь единицы ремеслом на жизнь зарабатывали. Хоть стражники и несли дозор на территории слободы, но мало кому хотелось прогуляться здесь в сумерках.

Раньше Словен не боялся бывать в слободе в любой час дня и ночи, а теперь остались у него в распоряжении лишь дневные часы. Едва ночь подкрадывалась, накрывая зыбкой пеленой землю, едва сгущались сумерки – верные ее предвестники, – как должен был Словен Велер покинуть. Задержись он на мгновение – закроется дорога в княжество для всех богов, и на какой период неизвестно. А за это Словена родичи по головке не погладят, да и Ясуни ополчатся. Но до времени, когда солнце спрячет лик за дальним лесом, было еще далёко.

Слова Чары еще звучали в ушах, и было о чем поразмыслить. Сын Даны, племянник Словена, родился полубогом, не Второй Кровью разбавленной – жалким подобием божественного отблеска, – а потомком богов, и человеческого в нем ни капли не было. Мальчик появился на свет с метками, как и положено ребенку богов, и как же ему теперь живется среди людей? Казалось, благодаря этим меткам найти его легче легкого, но нет.

После того, как увидел Словен помутнение у сестрицы рассудка, как решил для себя, что больше не слушает запреты родичей, так сделал все, что мог: и по крови сестры племянника искал, и к ворожеям ходил, и птиц вещих пытал, и сам колдовал, только все попусту. Дай Род, чтобы источник мальчика еще не открылся: без помощи, без обучения сила колдовская может много причинить боли как мальчишке, так и окружающим, сделать ребенка изгоем.

Черная тень метнулась в лицо, и Словен выставил Щит не задумываясь. Полетели в стороны утиные перышки, захохотали люди: им виделось, будто он от утки отбивается, – мороки Словен умел наводить не хуже брата старшего.

Он соскочил с коня, удерживая Щит перед собой. Волна холода теснила его, не давала шага сделать, но в упрямстве он отца обыгрывал. Словен добавил к Щиту колючую изгородь Разрыва, толкнул вперед, прорываясь сквозь ледяные заслоны. Со стороны людей казалось, будто он дальше поехал, со стороны богов Словен шел вперед и не желал сворачивать. Кто-то очень не хотел, чтобы он в корчму попал, и Словен догадывался, кто это мог быть.

– И что это славной госпоже не сидится под боком у мужа? Чем это недостойный заслужил ее внимания, да так, что она решила ему дорогу перекрыть?

С неба на землю упала малая уточка, ударилась и обернулась красивой женщиной. Рогатая кика прятала волосы цвета спелой пшеницы, вышитый жемчугом алый сарафан из атласа заморского отливал золотом, и шла по нему бережливая вышивка. Белые рукава, перехваченные наручьями, походили на крылья птицы. Смотрела женщина свысока, да холодно глазами синими, – недолюбливала Мокошь Словена за характер и за поведение.

– Любишь ты, Словен, куда не надобно нос засовывать. Не касается тебя судьба Даны и сына ее. Ты свою роль отыграл и достаточно, не усугубляй ситуацию.

Словен сжал зубы, стараясь не подать вида, насколько больно она его зацепила, едва слова из себя выдавил:

– О чем ты говоришь, госпожа хорошая? Это не я отыграл, а ты меня в игре использовала. Любите вы, Ясуни, себе только хорошее приписывать. Как говорится, все хорошее от отца, а все плохое от тещи. Даже великая и могучая Мокошь не избежала...

– Замолчи! – Богиня нахмурилась, в прекрасных глазах смарагдом блеснул гнев. – Больно нагл стал! Не забывайся, с кем разговариваешь!

Словен поклонился, но промолчал, извиняться не стал. Вроде и промах признал, а вроде ничего и не было. Он улыбнулся.

– Не сердись, великая богиня. Сама знаешь, что думаю, то и говорю. Твой муженек подарочек мне сделал, вот теперь и мучаюсь.

На его слова о муже Мокошь помрачнела, губы поджала и сухо ответила:

– Я тебя предупредила, Словен. Если хочешь получить вотчину, не вмешивайся. Судьба и без тебя все точки расставит.

Словен наигранно удивился.

– Неужели ты мне, как и братцу моему старшему, вотчину сможешь получить? Это что ж получается? – Он сделал вид, будто подытоживает: – Значит, я закрываю глаза на пропажу племянника и боль сестрицы двоюродной, а ты мне с вотчиной помогаешь. Так, что ли?

Внутри клокотал гнев. За кого она его принимает?! Но он изо всех сил себя сдерживал – не хватало ему еще одного скандала, но злость брала верх.

– Интересная картинка складывается...

Мокошь жестко отрезала:

– Не выдумывай! Через меня тебе точно вотчину не получить: не нужен нам бог, от которого одни неприятности. В этом я брата поддерживаю полностью. А сестрице твоей от такого помощника только хуже и сделается. Так что не лезь не в свое дело! И себе навредишь, и сестре. Не сетуй потом.

Она взмахнула руками, и в небо взмыла серая уточка. Словен проводил ее взглядом, жалея о том, что нельзя ей придать ускорение, пустив следом стрелу каленую. Убить он ее не желал, но оставлять без внимания такое отношение очень уж не хотелось.

Только больше всего встревожили Словена слова Мокоши. Не поймешь, то ли она будущее напророчила, то ли злится просто. Не всегда Мокошь видела грядущее. Это Гамаюн знала его доподлинно. Колесо Судьбы хоть и находилось в руках Мокоши, только что выпадет, от нее не зависело. Богиня узнавала будущее за несколько мгновений до исполнения, когда изменить уже ничего невозможно.

Словен замер посреди дороги. Что же делать-то?! Отступить или пойти против Мокоши? Но если он отступится, получится, что она его запугала, толком не сказав ничего. Пойти супротив богини ее уровня – нажить врага. Ну пусть и не врага, но точно неприятеля. Но он с ней особо-то и не ладил.

Словен сплюнул через левое плечо, отгоняя неприятности. Мокошь, конечно, богиня сильная и важная, но не дай она Мороку ту грамотку, не попала бы она в руки Словена, и не случилось бы ничего плохого. Получается тогда она его вслепую использовала, а сейчас в открытую. Не бывать этому! Словен выбор свой сделал и отступать не собирался.

До корчмы он добрался быстро – дорога знакомая, не заблудишься, – но уже на подходе его начали одолевать нехорошие предчувствия. Себе Словен всегда доверял, поэтому поводя Венка бросил на перевязь, прикрыл иллюзией: пусть другие думают будто конь привязан. Меч проверил, легко ли из ножен выходит, заменил ремешок добрых намерений еще одной иллюзией, вошел в ворота, миновал двор, поднялся по скрипучим ступенькам и толкнул деревянную дверь.

Едва та распахнулась, как на Словена обрушилась волна гомона. Корчма, по обыкновению, была полна народа: людей набилось, словно сельдей в бочку. За длинными столами сидели посетители, отдавая должное кушаньям Бартника. Стучали ложки, сдвигались ковши, за едой текли разговоры. Никто вроде и не кричал, но корчма гудела, словно переполненный улей. Из приоткрытой двери кухни доносились запахи жареной рыбы, щей и пирогов. Рядом с ней Словен заметил свободное место и двинулся туда.

Неподалеку от входа облюбовали стол возчики. Один из них красочно описывал опасности Старого тракта, и ближние к нему посетители слушали его байки, раскрыв рты.

Словен прислушался и усмехнулся. Да такие чудеса, о которых вещал молодой возчик, лишь у деда в Пекельном царстве встретить и можно было, только кто б их пустил на границу с миром людей. Но слушатели с легкостью верили вранью возчика.

– А верховодит там Соловей-разбойник. – Возчик замолк на миг, сосредоточивая на себе внимание, и продолжил: – На лицо чисто девица, красив – залюбуешься, сложение ладное, правда больно худое, но как достанет меч, как взмахнет им, так дубы валятся. Ползет на его призыв нечисть, только богатыри ее и сдерживают.

– А как же вы без богатыря-то управились? – с сомнением произнес один из слушателей. – Неужто пожалел вас Соловей-то?

Коренастый мужик со шрамом через все лицо фыркнул с сомнением:

– Да кого ты слушаешь?! Соловей свистом всех с ног валит. Какой у него меч-то?! Ему и меч не надобен.

Парень, что сидел с ним за одним столом, махнул рукой.

– Та ни! Той на девьяты дубах сыдыть пид Києвом, посвистом всих лякае. Одыхмантьевичем клычуть, басурманын басурманыном. А цэй посак, як е. Обдурить, голову заморочить и пидеш без гроша в кышени. Його Соловьём через його языкатисть прозвали⁶.

Словен аж застыл от таких речей. Во-первых, о нем говорили, отчего ж не послушать. Во-вторых, ввали безбожно – когда это он девицей выглядел?! Да и прозвали его Соловушкой не из-за языка, а из-за личины чудесной, черного соловья, с легкой руки матушки. Она его, любя, Соловушкой, кликала, так и пристало детское прозвище – не отмоешься.

Главный рассказчик возмутился:

– Да не посак он! Говорю ж тебе! Нечистью он на Старом тракте заведует, людей запугивает, в Велесовы пуши не пускает. Он у Темных охранником прислуживает.

А вот это стерпеть Словен не мог. Это откуда ж такая нелепица выскочила?!

– Ты ври, да не завирайся, – Словен возмутился искренне. – Соловей храбрый витязь, славный богатырь. Сам ты прислужник и чисто девица! И делать ему нечего, как нечистью верховодить, а тем паче свистеть.

Лучше б он промолчал. На него сорвались сразу несколько:

– Помалкивай!

– Много ты понимаешь!

– Еще молоко на губах не обсохло, а в разговор старших лезешь! Иди отсель, пока не выставили!

На возгласы обратил внимание вышибала, поморщился и навстречу ему двинулся. Словену он был незнаком. Ну все! Сейчас слово данное Бартнику придется нарушить – скандал назревал нешуточный. Покидать корчму Словен не собирался, а выставить себя попросту не дал бы, но вышибалу вовремя перехватил корчмарь.

Кто не знал Бартника, сам бы его запросто с вышибалой спутал: крепкий, косая сажень в плечах, могучий мужик с ловкостью обращался как с горшками и латками, так и с выпившими лишку посетителями. Он вовремя появился из кухни и вмешался сразу же.

– Люди добрые, зачем кричать? И ругаться нет повода. А молодец сейчас присядет и разговору вашему мешать не будет. – Он пристально посмотрел на Словена при этом радушно ему улыбаясь. – Ведь не будет же?

Улыбка вышла у него жутковатая: в молодости выбили ему зуб и слегка попортили лицо – кривой шрам искажал мимику и придавал злое выражение даже в спокойствии. Возчики попритихли, а Словена улыбка не проняла.

– Да разве ж я мешаю?! Я правду восстанавливаю. Люди добрые ошибаются, а я решил чуток поправить.

Возчики загомонили, Бартник волком на Словена зыркнул и принялся его теснить к дальнему столику.

– Ты иди, иди. Присядь. Покушай, – и зашипел так, чтобы возчики не заметили: – и помолчи! Как не придешь, так на драку нарываешься. Надоело после тебя корчму восстанавливать.

⁶ «Да нет! Тот на девяти дубах сидит под Киевом, посвистом всех распугивает. Одыхмантьевичем зовут, басурманын басурманыном. А этот вор, как есть. Облапошит, голову заморочит и пойдешь ты без гроша в кармане. Его Соловьём из-за языка хорошо подвешенного прозвали». (свободное переложение украинского)

К гостям, задабривая и зубы заговаривая, подросла жена Бартника, тетка Аглая, с новым кувшином меда.

– Нет в жизни справедливости, – Словен вздохнул наигранно.

Бартник кивнул.

– Без сомнений нет. Была бы она, тебя бы на моем пороге не было.

– Обидеть хочешь? – Словен прищурился, глядя не по-доброму, и Бартник пошел на попятную.

– Оно мне надо? Только и ты войди в мое положение: три месяца прошло, как я последнюю досочку приладил. А у тебя, что не гулянка, так у меня ущерб.

Словен фыркнул.

– Слово я к тебе часто навещаюсь. Пару раз только и бывал. – И вздохнул тяжело. – И навещаешь ты на меня. Подумаешь, сломал пару столов, так ты, как я погляжу, на мои денежки на два больше отремонтировал. И вообще! Я сидел, никого не трогал, все честь по чести. Это твои постояльцы ни с того, ни с сего, решили проверить меня на удаль молодецкую. Кто ж им виноват, что они не на того напали?

– А вот не надо было их в кости обыгрывать, да и насмеяться еще. Вот погоди мне! – Бартник погрозил ему пальцем. – Закрою для тебя двери-то, не обижайся. Знаю я, как ты зубы заговаривать умеешь, но в этот раз точно ничего не выйдет – не отступлюсь.

Словен хмыкнул. Звучали слова Бартника, как несмазанная телега: ни в жизнь он не откажется от выгодного посетителя, а Словен был выгодным. Денег никогда не жалел, за неудобства приплачивал, за поломанную мебель и посуду платил, но словно заколдованный, притягивал к себе неприятности. Оскорбления не терпел – отвечал, а в плохом настроении сразу кулаком в челюсть бил. Бывало потом вместе с обидчиками за здоровье пили, а бывало выносили их под ручки. Отчего-то гости дядьки Бартника выбирали Словена мишенью, но когда сами мишенью оказывались – огорчались. Словен и рад был бы не появляться здесь, но слишком много полезных новостей стекалось в корчму.

Словен хлопнул дружески по плечу дядьку Бартника.

– Не ругайся попусту, лучше накорми-напои, и я в долгу не останусь. – Он бросил на стол монету, корчмарь взмахнул рушником, и она тотчас исчезла, словно под заклинанием, а Бартник грозно произнес:

– Пообещай мне, что сегодня ты ни с кем драться не будешь!

– Да разве я могу?! – Словен вполне искренне удивился. – Я ж тебе не вещунья, чтобы будущее предсказывать. Сам я отдохнуть зашел, а подраться и в другом месте могу. Так что не бурчи, и лучше дай мне икряников – знатные они у тебя получаются, – да взвара. Я, может, только из-за них сюда и хожу.

Бартник измерил его пристальным взглядом, вздохнул тяжело и пробурчал:

– Знал бы, вовсе их не готовил. Ох чует мое сердце – скоро ждать неприятностей.

Хоть довольным Бартник не выглядел, но служанку кликнул. Румяная девица подскочила сразу же, стрельнула хитрым взглядом в Словена, на его улыбку не смутилась. Ой, бедовая! Но именно такие ему и нравились, а вот Бартнику их перемигивание не по нраву пришлось: приказал принести Словену все, что тот хотел таким тоном, словно требовал его за дверь выставить.

Словен удобно устроился за облюбованным столиком, набросил легкий морок, чтоб никто лишний к нему не подсаживался. С этого места весь зал просматривался, и за входом следить получалось. Интересно, кого приведет к нему Судьба? Словам Чары Словен верил, как своим собственным, а пока ожидал, и перекусить не мешало б.

Поесть он любил, все равно еда не в бока, а в силу колдовскую уходила. Чем мощнее Словен становился, тем больше приходилось тратиться. Энергия кипела и требовала воплощения, вот поэтому жаждал Словен получить вотчину. Захлебнуться в собственной силе очень

уж не хотелось, да и показать ее полностью тоже было нельзя. Старшие Боги спали и видели, как бы взять себе в Слуги сильного помощника, только у Словена были иные желания.

Тут перед ним с громким стуком поставили на стол тарелку с икряниками. Вкусные блины из рыбьей икры готовили здесь, пальчики оближешь. Живот откликнулся громким урчанием: пришла пора закусить.

– Ой, спасибо тебе, красавица, – Словен улыбнулся, поднял взгляд и столкнулся с суровыми глазами тетки Аглаи, и тут же исправился: – хозяйюшка. И по что мне честь такая-то?

Тетка губы поджала, глядя на него осуждающе.

– Честь – не честь, токма не нужны мне проблемы с девками. Ты им с три короба наврешь, наобещаешь, а они, дуры, уши-то и развесят, понадеятся, а потом режут в три ручья.

– Я навру?! – Словен с изумлением посмотрел на нее. – Да ни в жизнь! Я не обещаю, если выполнить не могу.

– Ну да, ну да. Чай я не видела, как ты во весь рот лыбишься. Так я тебе и поверила, – пробурчала Аглая. – У меня уже есть одна, что по тебе сохнет. Заморочил девке голову, а сам в кусты!

Марька, племяшка Аглаи, прикипела к Словену сразу же. Первая красавица Велера отказывала уже не первому жениху, все искала для себя лучшего. Словен с ней лишь раз перемолвился парой словечек, на этом его интерес и закончился. Марьке же, словно вожжа под хвост попала, она ему прохода не давала. Как только узнавала, что Словен к Бартнику зашел? Похоже, служанок подкупила.

– Я в кусты?! Да я из них и не вылезал. Не надо с больной головы на здоровую переключивать. Не было ничего и обещаний я ей не давал.

Возмутился Словен искренне. Хоть и не чурался он людей, но смотрел свысока и предпочитал поддерживать отношения с себе равными. Марька же хоть и была писаной красавицей, не прельщала его: век людской короток, увлечешься, а она, глядь, и старуха уже, да и не по Сеньке шапка – кто он, а кто она.

– Дай Светлые боги, чтоб так, – Аглая с сомнением поглядела на него, а потом продолжила сама себе противореча. – Только слабо верится. Марька девка умная, такой жене любой рад был бы, а ты все нос воротишь. Ни кола, ни двора, голь перекатная.

Словен рассмеялся.

– Ох, тетка Аглая. Я к тебе со всей душой, а ты – голь. Одно утешение: знатная ты хозяйюшка. Вот на такой, как ты, хозяйке, я б с радостью женился. До тебя любой далеко.

Во рту стало так кисло, что Словен едва не скривился, по ушам же свои собственные слова визгом прошлись, как только вытерпел. А вот если б он всерьез солгать попробовал – седмицу бы без речи просидел и без силы. Тут от глубины вранья зависело: чем серьезней ложь, тем дольше пустым оставался, да еще судорогами мучался. Чтоб Велесу трижды икнулось! Но тетка Аглая на его лесть засмушалась.

– Ах ты ж, охальник ты эдакий! – Она замахнулась на него рушником, но Словен, смеясь, увернулся. – Ты мне глазки не строй! На меня твои чары не действуют. Нашелся тут!

Словен подвинул к себе миску с икряниками и серьезно сказал:

– Слово даю! Да вы любую спросите: обещал, мол, тебе что-нибудь Словен, что не выполнил? – И добавил уже с улыбкой: – А что сохнут, так за мной даже богини сохнут.

– Куды там! – Тетка уперла руки в боки, насмешливо его разглядывая. – Богини за ним сохнут. Ты ври, да не завирайся! Парень ты, конечно, хоть куда, красавец, но гонору у тебя – выше гор.

– С чего это?! Я – душа парень! И не вру никогда. – Словен оскорбленно посмотрел на нее. – А если я скажу, что вы печете самые лучшие в Велере икряники, вы тоже не поверите?

Женщина оттаяла, улыбнулась и уже более милостиво произнесла:

– На добром слове спасибо, конечно. Но девок мне не тронь, надоело искать новеньких. И Марьке голову не морочь, скажи прямо, что другая любая и все.

Она махнула рукой ближней к ним служанке, прошептала что-то на ухо девушке, и через мгновение рядом с икряниками лежала золотистая рыбка зубатка – второе блюдо, что готовила она безупречно.

Словен даже слова не успел произнести, как тетка Аглая пояснила:

– Ты кушай, это за счет заведения, – и пробурчала: – А то совсем с лица спал, одна кожа да кости.

Словен улыбнулся ей и склонил голову в благодарность, а тетка налила ему взвару и на кухню ушла. Через мгновение из нее выскочила Дарька, младшая из дочерей Бартника, и поставила Словену на стол тарелку с золотыми оладушками, стрельнула в него лукавыми глазенками и обратно умчалась. Егоза.

Словен с удовольствием закусил икряниками, лениво разглядывая посетителей. Чара ни слова не сказала, сколько ему тут прохладиться. Хоть бы намекнула, времени-то не так уж и много в запасе.

Судьба услышала его мысли. Едва он выбрал, с какого оладушка продолжить трапезу, как остановился рядом с его столом плюгавенький старичок: невысокий, Словену едва до плеча доставал, тощий, словно жердь, невзрачный – пройдешь по улице не заметишь, – с жидкой бороденкой и выцветшими глазами-бусинами, одетый в худую рубаху да порты. На такого дунешь, и он развалится, только не пожелал бы Словен никому этому дедушке дорожку переходить: был он сплошь обманчивый, что внешне, что внутренне.

Поклонился ему старичок едва ли не в пояс.

– Позволь, витязь славный, присесть рядом, разделить трапезу. Не откажи старому человеку.

Словен мрачно посмотрел на него. Если б не слова Чары, не стал бы он с ним беседовать, поэтому согласился нехотя:

– Ну садись, Бус, раз тебе мой стол так уж приглянулся.

Старичок хорьком юркнул на скамью, и перед ним тотчас поставили миски с тем же, что и Словен заказывал. И еду ему сам Бартник принес, а по его встревоженному взгляду Словен понял, что корчмарь знает, кто перед ним сидит.

Бус оглядел миски и пригладил бороденку, глядя доброжелательно.

– Вижу, схожи у нас с тобой предпочтения, добрый молодец.

Покривился Словен, подхватил ложкой кусок оладушка и в рот отправил, прожевал и обронил:

– Ну, это бабка надвое сказала. Скорей у тебя с моим братом совпадут предпочтения, чем со мной.

Кивнул Бус со всей серьезностью.

– Для меня было бы высшей честью, совпадать в предпочтениях с хозяином.

– Ну вот и иди к нему, чего за мой стол садиться-то?! – Словен указал ложкой в сторону двери.

Бус посмотрел на него внимательно, улыбнулся, словно внуку любимому, и произнес со всем уважением:

– Не сердчай, брат хозяина. – Словен зыркнул на него недовольно, и старик тотчас исправился. – Я хотел сказать Соловей-разбойник. Позволь слово вымолвить. Не отниму я у тебя много времени.

Словен заломил бровь, удивленно разглядывая Буса. С чего это он главе людей-мороков понадобился? Этот дедуля был верным последователем Мстислава и управлял самыми сильными ночными татями, которые боялись и уважали его ничуть не меньше своего Хозяина – так величали они Морока. Выполняя поручения братца, Словен не раз с Бусом встречался, и

тот отлично знал его имя и положение, а тут обратился, используя одну из его личин. Неужто ему самому что-то от Словена понадобилось? Так не расплатится же.

Словен ложку на стол бросил, откинулся назад, на стенку облачиваясь. Или все-таки это братец решил Буса использовать, чтобы передать очередное поручение? Ох и надоело это Словену.

– Даже так? А с чего это тебе, Бус, Соловей-разбойник понадобился? Может, я не желаю эту личину свою показывать, а может, тебе и не я вовсе надобен. Если тебе посвистеть или с богатырями силой померяться, так это не ко мне, тебе к Одихмантьевичу.

Бус улыбнулся в бороденку и головой покачал.

– Нет, Словен Драговитович, мне вы надобны, ибо дело у меня к вам есть. Дело важное, в котором очень нужно слово Наблюдателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.